

Милый дом

Автор:

Тилли Коул

Милый дом

Тилли Коул

Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул Милый дом #1

Молли с детства привыкла терять близких. Все, кто любил ее, уходили навсегда.

В учебе она нашла свое спасение, а философия стала главным увлечением. В университете Алабамы девушка начинает новую жизнь. Там ее ждут жаркое лето, ночные студенческие тусовки, новые друзья... И встреча с Ромео. Парнем, который не был ласковым, осторожным или внимательным. Он брал от жизни все, что хотел, не задумываясь. Но душа Молли, ее сердце и разум тянутся к нему. И кажется, она впервые готова впустить кого-то в свою жизнь. Веря в то, что именно он станет для нее счастьем, судьбой и... домом. Но когда счастье кажется таким близким, рискнет ли она пойти до конца? И справится ли с болью и новыми испытаниями, которые порой любовь приносит с собой?

Тилли Коул

Милый дом

Tillie Cole

SWEET HOME

SWEET HOME © 2013 by Tillie Cole

Серия «Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул»

Дизайн обложки В. Евдокимовой, О. Зиминной

Внутреннее оформление Ю. Щербакова

© Паранина Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается

Моему мужу, с которым мы вместе с подросткового возраста, а он по-прежнему остается для меня Моим Милым Домом.

Нашей команде «Сиэтл Сихокс» за вдохновение.

И жителям Алабамы (особенно тем, кто поддерживает «Кримсон Тайд») за лучший в мире чертов акцент!

Давай, «Тайд»!

Примечание автора

Все братства и сестринства, а также их цели и способы посвящения были преувеличены и выдуманы, никоим образом не основываются на правде и не отражают реальные случаи.

Пролог

Изингтон, Дарем, Англия

Четырнадцать лет назад...

– Молли, иди ко мне, милая. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Бабушка сидела в гостиной нашего маленького дома на старом коричневом кресле, обхватив голову руками.

Я подошла ближе и обвела взглядом комнату. Папа еще не вернулся из паба. Он постоянно там бывал с тех пор, как страшная леди, которую иногда показывали по телевизору, его огорчила, закрыв шахты в год моего рождения. Это рассказала мне бабушка.

Бабушка подняла голову и грустно улыбнулась. У нее была самая добрая улыбка, которую я когда-либо видела; от одной только ее улыбки в комнате становилось светлее. Я очень любила свою бабушку.

Подойдя ближе, я заметила, что она держит в руках старую фотографию мамочки. Мама умерла, когда родилась я. Бабушка с папой обычно расстраиваются, если о ней спрашиваю, поэтому я больше не спрашиваю. Но я по-прежнему не забываю целовать перед сном ее фотографию, которая стоит возле кровати. Бабушка говорила, что мама наблюдает за мной с небес.

– Иди сюда, моя маленькая Молли-попс. Садись ко мне на колени, – пригласила она, поставив рамку на покрытый красным ковром пол и жестом поманила к себе.

Я бросила свой розовый рюкзак на пол, подошла к ней и запрыгнула на колени. От бабушки пахло мятой. От нее всегда пахло мятой. Я знала, что она тайком ходила покурить в переулок и теперь пыталась скрыть сигаретный запах. Меня забавляло, когда она каждое утро выбегала из дома с розовыми бигуди в седых волосах и в фиолетовом фартуке.

Я коснулась ладонью ее щеки. Бабушка выглядела расстроенной.

– Бабушка, что случилось?

Она взяла мою маленькую руку в свою, и я вздрогнула от того, какой холодной она была. Я стала растирать ее ладонь и поцеловала в щеку, чтобы она почувствовала себя лучше. Как-то бабушка сказала, что мои сладкие поцелуи способны хоть немного облегчить любую проблему в мире.

В комнате было так тихо, что единственным звуком было потрескивание дров в камине и громкое тиканье напольных часов.

Обычно бабушка включала музыку, музыку давних лет, и мы танцевали перед камином. Однако сегодня музыка не играла, отчего дом казался унылым и печальным.

Я посмотрела на стрелки часов: большая была на двенадцати, а маленькая – на четырех. Я изо всех сил старалась вспомнить, чему учила нас на уроке моя учительница, миссис Кларк. Я крепко зажмурила глаза, пытаюсь собраться с мыслями. И ахнув, открыла их. Было четыре часа. Да! Было четыре часа. Папа скоро вернется.

Я попыталась соскользнуть с бабушкиных колен и побежать к двери, чтобы дождаться, когда папа войдет в ворота. Он всегда обнимал меня и кружил, прежде чем сказать, что я самая красивая девочка в мире, как и моя мама. Эта часть дня была моей любимой.

Мне не удалось встать, потому что бабушка схватила меня за руку.

– Бабушка, что ты делаешь? Папа скоро придет. Ему нужны его ежедневные обнимашки!

Бабушка глубоко вздохнула, и из ее глаз потекли слезы.

– Бабушка, почему ты плачешь? Пожалуйста, не грусти. Тебе нужен сладкий поцелуй? Тогда тебе станет лучше?

Бабушка прижала меня к груди. Ее очки чуть не слетели с носа, а материал ее фартука царапнул мою щеку. Я сморщилась, пытаюсь остановить жжение. Она оттолкнула меня и упала на колени. Теперь ее грустные глаза поравнялись с моими.

– Молли, мне нужно сказать тебе кое-что, что тебя очень, очень опечалит. Ты понимаешь меня?

– Да, бабушка. Мне уже шесть. Я уже большая девочка. Я многое понимаю. Миссис Кларк сказала, что я самая умная девочка во всем классе, может быть, даже в школе.

Бабушка улыбнулась мне. Однако улыбка не коснулась ее глаз. Улыбка была неполной. Папа сказал, что только полные улыбки показывают, что ты действительно счастлив. Не стоит тратить полную улыбку на то, что не сделало тебя очень счастливым.

– Ты умная, милая, хотя я не знаю, в кого. Ты далеко пойдешь. Тебе суждено оставить эту скорбную жизнь и выбиться в люди. Именно этого твоя мама и твой п-папа... хотели бы. – Она шмыгнула носом и достала из кармана розовый носовой платок, на котором были вышиты красные розы. Две недели назад я сама выбрала эту ткань. Один платок мы сшили бабушке, а один – мне. Бабушка назвала это «парным комплектом».

Она приложила платок к покрасневшему носу и посмотрела в окно, прежде чем выражение ее лица изменилось и она снова обратила внимание на меня.

– А теперь, Молли, ты должна сделать глубокий вдох для храбрости, как я тебя учила.

Я кивнула и пять секунд вдыхала через нос, держась за живот, а потом пять секунд медленно выдыхала через рот.

– Хорошая девочка, – похвалила она, поглаживая мою щеку большим пальцем.

– Бабушка? А где папа? Он опаздывает. Он никогда не опаздывает.

Он всегда приходил домой, чтобы поздороваться со мной после школы. От него пахло противным пивом, но он всегда так пах. Иначе это был бы не папа.

– Молли, сегодня с папой кое-что случилось, – сказала бабушка дрожащим голосом.

– Ему плохо? Может, заварим чаю к его приходу? От чая всем становится легче, правда, бабушка? Ты всегда мне это говоришь, – затараторила я, начиная чувствовать странное, забавное трепетание в животе от того, как странно она на меня смотрела.

– Нет, милая. – Бабушка покачала головой, ее губы задрожали. – Чай сегодня не понадобится. Видишь ли, сегодня утром Господь решил забрать твоего папу на небеса, к ангелам.

Я запрокинула голову и посмотрела в потолок. Я знала, что Бог живет высоко над нами, на небе. Но так и не смогла его увидеть, как ни старалась.

– Зачем Господу забирать у нас папу? Разве мы плохие люди? Я была слишком непослушной? Поэтому Господь не захотел, чтобы у меня были мама или папа?

Бабушка прижала меня к себе и уткнулась носом в мои длинные каштановые волосы.

– Нет, Молли-попс, никогда, никогда так не думай! Господу просто было больно смотреть, как твой папа скучает по твоей маме. Он решил, что им пора снова быть вместе. Он знал, что ты смелая и сильная, поэтому сможешь жить без них

обоих.

Я размышляла над этим, посасывая большой палец. Я всегда сосу большой палец, когда мне страшно или я нервничаю.

Бабушка убрала волосы с моего лица.

– Я хочу, чтобы ты знала, что никто на всей планете не любил друг друга так сильно, как твои мама и папа. Когда мама умерла, папа не знал, что делать. Он и тебя любил, но все же очень скучал по ней. Когда леди из телевизора...

– Маргарет Тэтчер? – перебила я. Мы узнали о ней в школе. В моем городе ее мало кто любил. Ее обзывали отвратительными словами. Она огорчила многих людей.

Бабушка улыбнулась.

– Да, Маргарет Тэтчер. Когда миссис Тэтчер закрыла шахты, у твоего папы не осталось работы, что расстроило его. Папа очень долго пытался заработать денег и купить нам дом получше, но он работал только в шахтах и не умел делать ничего другого. – Она крепко зажмурилась. – Сегодня папа умер, милая. Он отправился на небеса и больше к нам не вернется.

Мои губы задрожали, и я почувствовала, как слезы жгут глаза.

– Но я не хочу, чтобы он уходил! Можем ли мы попросить Господа вернуть его? Что мы будем делать без папочки? – В груди стало больно и мне было тяжело дышать. Я потянулась к бабушкиной руке. Мой голос охрип. – У нас больше никого нет, верно, бабушка? Ты – все, что у меня осталось. А что, если Господь и тебя заберет? Я не хочу остаться одна. Мне страшно, бабушка! – громкий крик вырвался из моего горла. – Я не хочу остаться одна!

– Молли... – прошептала бабушка, прижимая меня к себе. Мы упали на пол и зарыдали перед камином.

Мой папа ушел.

Мой папа был на небесах.

Он никогда, никогда не вернется.

Глава 1

Университет Алабамы, Таскалуса,

Соединенные Штаты Америки

Наши дни...

Я ужасно опаздывала!

Делая короткие, прерывистые вдохи, я бежала через необъятный кампус университета, стараясь изо всех сил не рухнуть лицом вниз.

Мои руки держали охапки учебных планов по философии, которые мне было велено распечатать больше часа назад – первое задание в качестве ассистента преподавателя.

Лекция должна была начаться с минуты на минуту, но моя бесконечная череда неудач привела к тому, что принтер в копировальной с жалким пронзительным звуком испустил клуб дыма и сломался, распечатав лишь половину экземпляров.

Копировальная располагалась в другой стороне колледжа, и вот таким образом я и пришла к моему нынешнему затруднительному положению: забегу через огромный двор в непредназначенных для спорта оранжевых кроссах по адскому пеклу сауны Таскалусы, или, как здесь говорят, типичному жаркому летнему

дню.

Бросив взгляд на стеклянные двери, я увидела свое отражение.

Нехорошо. Совсем нехорошо.

Мои каштановые волосы напоминали кудри миниатюрного пуделя, пот на носу заставлял мои широкие классические очки в черной оправе прыгать по лицу, как камикадзе, а в коротком джинсовом комбинезоне и белой футболке я чувствовала себя словно в защитном костюме, в котором можно свариться.

Английское небо, вечно затянутое облаками, в данный момент показалось чем-то необычайно привлекательным.

Сегодня все шло наперекосяк: неисправный принтер стал лишь вторым из нарастающих несчастий, первым было издевательство моих сумасшедших подруг.

– Тога, тога, тога!.. – громко скандировала Лекси, поднимая вместе с Касс руки вверх на каждом слове, а потом улюлюкая. Они сидели у меня на кровати и смеялись над моим отчаянием из-за импровизированной тоги.

– Я выгляжу ужасно, – пожаловалась я, пытаюсь поправить простыню в надежде прикрыть обычно спрятанные интимные места.

– Ты выглядишь горячо! Твои сиськи нереальные, такие идеальные и упругие... – попыталась сделать комплимент Касс и вытянула руки, притворяясь, что сжимает мою грудь. – Отвечаю, Моллс, я не по девочкам, но ради тебя в этом наряде готова сделать исключение! Черт, у тебя восхитительная фигура, подружка!

– Касс! – строго отчитала я, закатывая глаза. – Тебе обязательно говорить такие вещи?

– Ах, да успокойся! Ты отлично выглядишь. Ты идешь сегодня вечером, назад дороги нет. Не заставляй меня тащить тебя туда... потому что я могу... если придется.

– Но...

– Никаких «но»! Мы обещали тебе веселую студенческую жизнь, а не повторение того унылого дерьма, что было в Англии. Опыт начинается сегодня вечером.

– Оксфорд был не так уж плох! И как проходит этот так называемый «опыт»? Сначала я должна вступить в чертово сестринство, а потом что? Коктейли с запрещенными веществами и уход из клуба с разбитым лицом?

– И такое можно устроить, но в основном опыт включает в себя большое количество парней, секс, оргии, оргазмы... о, и эксперименты с точкой G. Ну, знаешь, ради этого на самом деле ты и поступила в колледж, – совершенно искренне объяснила Касс.

– Я приехала в колледж учиться, Касс, а не тискаться с пьяными ребятами из братства!

Она захохотала.

– Как бы то ни было, дорогая, ты перестанешь думать об учебе, как только твои лодыжки будут обвивать шею какого-нибудь жеребца, а он будет носить тебя, как ожерелье, щекоча твой пупок изнутри!

Зная, что Касс отмахнется от любого моего ответа, даже если я найду что на такое сказать, я подошла к своему коричневому креслу с откидывающейся спинкой и опустилась на мягкое сиденье, закрыв лицо руками.

– Какого черта я во все это ввязалась?

– Ты просто решила не упустить момент, – глубокомысленно заметила Лекси.

Подняв голову, я посмотрела сквозь пальцы на двух моих самодовольных подруг, которые с весельем за мной наблюдали.

– Ты в любом случае заставишь меня идти на эту дурацкую вечеринку, я права?

Лекси слезла с кровати и запрыгнула мне на колени, обхватив худыми руками за шею.

– Разумеется, дорогая. Теперь ты одна из нас!

Я неохотно улыбнулась.

– Похоже на то.

Касс присоединилась к нам на кресле, придавив меня, пока я не завизжала под их общим весом.

– Снимай тогу, я ее подошью, и топай на лекции. Когда вернешься, мы сможем начать веселье...

Говорят, несчастья приходят по трое.

Два уже случилось.

Осталось одно.

Я продолжала свой стремительный забег: пронеслась через двойные двери корпуса гуманитарных наук в сторону лекционных залов, а затем направилась прямоком в аудиторию профессора Росс. Мой разум неустанно поддразнивал меня видениями парада пританцовывающих тог.

Слишком поглощенная своими переживаниями, я не заметила небольшую группу студентов, которая появилась из-за угла. Но, увы, все вскоре изменилось, когда суперухоженная рыжеволосая девица врезалась в меня, и похоже, нарочно. Бумаги выпали из моих рук и рассыпались по белому кафельному полу.

– Упс! Смотри, куда прешь, милочка, – злобно промурлыкала она. – Может, тебе нужны очки посильнее?

А вот и третья неудача.

Я опустилась на колени и не поднимала глаз, даже когда услышала хриплые насмешки, судя по всему, в мой адрес. Мне казалось, будто я вернулась в старшую школу, где популярные ребята задирали ботаника.

Я никогда не повышала голоса. Всегда спокойно реагировала на грубые насмешки людей по поводу моей дешевой одежды, отсутствия денег или любое другое высказывание в мою сторону, поэтому и сейчас что-то проворчала себе под нос и принялась складывать бумаги в неаккуратную кучу.

Дверь лекционного зала со щелчком захлопнулась.

Довольная тем, что наконец-то осталась одна, я выпалила: «Тупые уроды» чуть громче, чем намеревалась, потому съежилась, когда звук эхом разнесся по широкому, похожему на пещеру коридору.

Я нечасто ругалась, но сейчас чувствовала это оправданным. Мне даже немного полегчало. Ведь не зря порой даже в научном мире иногда достаточно использовать всего одно грубое слово.

Я схватила бумаги, покачала головой и стала подниматься. В этот момент с моего лица с грохотом упали на пол чертовы очки.

Я сокрушенно вздохнула, решив, что мне действительно не стоило вставать сегодня с постели.

Позади меня раздался раскатистый смех, заставивший меня подпрыгнуть. Теплая рука схватила меня за плечо и крутанула вокруг, чтобы нацепить очки

обратно на мое лицо.

Я прищурилась несколько раз, и мое зрение восстановилось. Тогда мой взгляд уперся в широкую грудь, прикрытую темно-красной майкой с белой надписью: «Футбольная команда “Кримсон Тайд”».

– Теперь видишь?

Я подняла глаза на звук глубокого голоса с южным акцентом и увидела перед собой загорелого парня, истинного представителя Алабамы: темно-светлые волосы до подбородка, темно-карие глаза, обрамленные длинными чернильно-черными ресницами, и высокий рост – метр девяносто против моих метр шестидесяти пяти.

Я невольно втянула в себя воздух.

Он был великолепен.

Чертовски великолепен.

Я стряхнула с себя оцепенение, выхватила бумаги из рук парня и попыталась его обойти, чтобы поскорее восстановить некое подобие самообладания и вернуть себе достоинство (раз уж за последние пару часов я лишилась его в значительной степени).

Схватив меня за запястье, когда я проходила мимо, мистер «Кримсон Тайд» спросил:

– Эй, ты в порядке?

Я попыталась расслабиться и не грубить – он как-никак помог мне, – но мои нервы изрядно расшатались, а прикосновение грубой мозолистой ладони парня к моей коже только ухудшало ситуацию.

Я решила списать эту странную реакцию на обезвоживание из-за жары или на острый случай тогафобии.

– В порядке, – опустив плечи, ответила я.

– Уверена?

Я сделала глубокий вдох и встретила взглядом с его прекрасными шоколадными глазами. На радужке у него были иссиня-черные крапинки.

– У тебя когда-нибудь бывали такие дни, когда все превращается в сплошной ночной кошмар? – Три последних слова я подчеркнула интонацией.

Он громко фыркнул, и его лицо приняло забавное выражение: полные губы надулись в кривой ухмылке, а незначительно смещенный от центра нос сморщился при движении.

– Вообще-то сейчас один из них.

– Значит, нас таких двое. – Я не смогла сдержать ответной улыбки. Крепче сжимая стопку бумаг, я добавила: – Спасибо, что остановился и помог мне. Это было очень мило с твоей стороны.

Он скрестил свои огромные загорелые руки на мощной груди, чем усилил мое смущение.

– Мило? Не такое обычно обо мне говорят, – бросил он и направился прочь, оставив меня одну в широком коридоре.

Я уже было повернулась к аудитории, как парень оглянулся через плечо и резко объявил:

– Я Роум.

– Молли, – быстро представилась я.

Роум скользнул по нижней губе зубами, пристально рассматривая меня с головы до ног, и медленно кивнул. Затем, не проронив больше ни слова, удалился в кабинет философии.

Потратив некоторое время на то, чтобы собраться с мыслями, я зашла в аудиторию, где несколько десятков пар глаз автоматически на меня уставились. Из-за своего нелепого опоздания я чувствовала себя точно Бриджит Джонс.

Профессор Росс сурово на меня посмотрела, и я скривилась. Добравшись до ее стола, я положила распечатанные учебные планы и от смущения сжала пальцы. Она жестом предложила мне встать рядом с ней за кафедрой. Сделав как мне было велено, я подняла голову, встретившись взглядом со студентами. Что ж, только что новенькая, да еще и англичанка, выставила себя полной идиоткой.

Профессор показала на меня и заговорила с шикарным, достойным королевы английским акцентом, выглядя при этом как пожилая директриса школы-интерната в своем коричневом твидовом костюме-двойке, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и очками-половинками.

– Я хотела бы познакомить вас всех с Молли. Она, как и я, из Англии. Молли согласилась получить степень магистра в этом прекрасном университете и выступить в роли научного сотрудника, помогая мне в работе над публикациями моих исследований в журнале. Также Молли будет выполнять обязанности моего ассистента на этом курсе. Я знакома с Молли уже несколько лет и не смогла бы найти никого лучше, чтобы взять с собой в Штаты. Вы скоро обнаружите, что она совершенно исключительная молодая леди.

Профессор отошла в сторону, взмахом руки приглашая меня обратиться к аудитории.

– Молли, почему бы тебе не сказать несколько слов своим новым одноклассникам?

Глубоко вдохнув, я подошла к кафедре и робко подняла глаза.

– Всем привет. Как сказала профессор Росс, я приехала в Алабаму из Англии, чтобы получить степень магистра философии, начать писать докторскую диссертацию и в конечном счете стать профессором. – Я обвела беглым взглядом ряды. В малой аудитории находилось около тридцати человек. – Я влюблена в религиозную философию с тех пор, как себя помню, поэтому счастлива быть здесь и помогать профессору Росс на лекциях и семинарах, стараясь сделать удивительный мир философии еще немного интереснее! Я буду рада ответить

на любые вопросы во...

– У меня есть один.

Я отыскала взглядом того, кто задал вопрос, и увидела рыжеволосую девушку из коридора... Она сидела рядом с Роумом.

– Какого черта ты хочешь стать профессором философии? Не на что больше жизнь потратить?

Я уже привыкла к такой реакции.

– А почему бы и не философия? Все в жизни, на Земле может быть подвергнуто сомнению: почему, как именно и как такое возможно? Меня вдохновляет тайна жизни и вселенной, восхищает необъятность вопросов, на которые нет ответов. Я люблю погружаться в труды ученых, как древности, так и современности.

Она прыснула.

– Сколько тебе лет, а?

– Э-э... двадцать. – Я нервно оглядела аудиторию и увидела, что за мной наблюдает множество удивленных пар глаз.

– Двадцать! И ты уже получаешь степень магистра?

– Эм, ну да. Я сдала школьные экзамены досрочно, поэтому раньше поступила в университет.

– Боже, детка, пора бы тебе перестать быть такой занудой и хоть немного повеселиться. Свет клином не сошелся на учебе. Расслабься, черт возьми! – Девушка с недоумением покачала головой, и ее длинные волосы идеально закачались в такт движению. – Клянусь, мне никогда не понять девушек вроде тебя.

Несколько студентов тревожно заерзали на своих местах от таких откровенных выпадов. Рыженькая, казалось, была довольна собой. Я уверена, что она

посчитала вторую попытку унижить меня успешной.

– Девушек вроде меня? – повторила я, но в моем голосе слышалась лишь легкая нотка дерзости.

Дорогие жемчужно-белые виниры ослепили меня, когда она стервозно улыбнулась.

– Книжных червей, заучек... подражательниц профессорам!

В ответ на ее тон я лишь сузила глаза и вцепилась в деревянную кафедру, пытаюсь сохранить профессионализм, но потом быстро передумала. Я собиралась дать отпор. День выдался отстойный, вечер обещал быть и того хуже, поэтому я решила в полной мере насладиться этим адским днем.

– Я считаю, что власть человеку дают наука и знания, а не деньги, статус или наличие дизайнерских вещей, – холодно парировала я.

– Seriously? Ты действительно в это веришь?

– Разумеется. Открывая свой разум для неизвестных возможностей и изучения того, как устроены другие культуры, люди получают более целостное понимание человеческой натуры. Философия предлагает ответы на множество вопросов. Например, почему некоторые люди, лишенные сострадания, легко идут по жизни? В то время как другие – добрые, участливые и честные – получают удар за ударом, но все же находят в себе силы двигаться вперед? Тебе не кажется, что если бы больше людей сознательно относились к бедам человечества, то, возможно, мир стал бы лучше?

Девушка нервно встряхнула волосами, сжала рубиново-красные губы и раздраженно на меня уставилась, проигнорировав мой вопрос.

– Вот почему каждый вечер я отдаю учебе, а не вечеринкам. Мир заслуживает людей, которые думают прежде всего о других. Тех, кто подавляет свой эгоизм и не озабочен поверхностными вещами. – Я взглянула на нее и заявила фальшиво-дружелюбным голосом: – Надеюсь, теперь у тебя появилось некое представление о том, почему я хочу стать профессором. Такая уж я есть и очень

горжусь этим.

– Черт! Тебя размазали, Шелли! Проучили! – воскликнул грубый мужской голос, заставив класс разорвать тяжелую тишину смехом.

Я вскинула голову и поняла, что реплика принадлежала Роуму, который сидел, задрав ноги, и посмеивался. Когда остальная часть студентов к нему присоединилась, я почувствовала глубокое удовлетворение.

Челюсть Шелли отвисла, и она резко закончила разговор пренебрежительным:

– Да без разницы! Удачи тебе влиться с таким отношением.

Профессор Росс похлопала меня по плечу и прошептала на ухо, чтобы я раздала учебные планы до окончания лекции. Я с уверенностью могла сказать, что мое поведение ее возмутило.

Я быстро схватила бумаги с дубового стола и начала раздавать их по рядам, пока профессор объясняла, как она будет оценивать работы, а также правила, установленные на ее занятиях.

Когда я добралась до последнего ряда, заметила, как Роум наблюдает за мной с необъяснимым блеском в глазах. Он кивнул в знак приветствия, плотно сжав губы. Я кротко улыбнулась.

Не сводя с меня глаз, Шелли придвинулась ближе к нему. Судя по положению ее тела – колени прижимались к его ногам, а полная грудь касалась его руки, – их с Роумом связывали более чем дружеские отношения.

– Классная обувь, Молли, – проворковала Шелли, когда я протянула ей последний экземпляр. – У всех будущих профессоров философии такой фантастический вкус?

Студенты захихикали.

Я окинула взглядом свои дешевые кроксы, затем посмотрела на ее модные золотые – без сомнения, дорогие – сандалии-гладиаторы и уныло вздохнула.

– Завязывай уже, Шелл, – выпалил Роум, резко оттолкнув ее ноги от своего бедра. – Почему ты все время ведешь себя как тупая стерва?

Его замечание довольно эффектно заставило замолчать остальную часть аудитории. Съежившись на своих местах, они отвернулись от неловкой ситуации, в которую я попала, чтобы самым избежать нежелательного внимания Роума.

Шелли сложила руки на груди и надулась.

Роум проигнорировал ее жалкое поведение и снова поднял на меня глаза, дернув подбородком.

– Ты действительно веришь в то, что только что сказала?

– В какую именно часть?

Он неловко заерзал на стуле, его пальцы прошли по растрепанным светлым волосам.

– Насчет того, почему жизнь несправедлива. Что философия дает ответ на вопрос, почему одним людям достается дерьмо, а другим – нет.

– Горячо верю, – ответила я с непоколебимой уверенностью.

Он медленно кивнул, выпячивая нижнюю губу. Казалось, мой ответ его впечатлил.

Я развернулась и поспешила занять свое место ассистента преподавателя в дальнем конце помещения. До самого окончания лекции я не поднимала головы.

– Молли.

Я подняла глаза и увидела, как профессор стоит передо мной, и на ее морщинистом лице читалось осуждение.

– Не желаешь объяснить мне, что произошло? Это было совсем на тебя не похоже.

– Сьюзи...

– Э-эм... в университете профессор Росс, Молли. Что на тебя нашло?

– Простите, – скривившись, сказала я. – У меня голова сегодня кругом.

– Ты не ответила на мой вопрос.

В ее суровом взгляде я заметила не только разочарование моим непрофессионализмом, но и проблеск беспокойства.

Я вздохнула.

– Просто неудачный день. Подобное больше не повторится.

Расслабившись, Сьюзи не стала меня судить за мое поведение.

– Не позволяй людям, как та юная леди, влиять на тебя. Никогда не оправдывайся за то, кто ты есть.

На моем лице появилась улыбка.

– Благодарю вас, профессор. Урок усвоен. Она просто... Даже не знаю... почему-то задела меня.

– Я заметила. Но в следующий раз не дай ей пробраться тебе под кожу. Просто не обращай внимания.

Я кивнула в знак согласия.

– А теперь почему бы тебе не вернуться домой?

– Спасибо, профессор. – Я схватила свою коричневую кожаную сумку, висящую на спинке стула, и вышла из класса.

Роум стоял в коридоре с тощей блондинкой, которая повисла у него на шее и прижималась грудью к его красной футболке. Парень пытался оттолкнуть ее с раздраженным выражением лица.

Я застыла на месте, чувствуя себя крайне неловко.

– Но... но... почему бы и нет? Ты никогда мне не отказываешь! – заскулила блондинка, неохотно отпуская шею Роума. Скрестив руки на груди, она протестующе топнула кремовой босоножкой на танкетке.

– Все меняется, – жестко заявил парень, отталкивая от себя девушку.

– Меняется? Ты? С каких это пор?

– С, черт побери, таких! Твои услуги больше не требуются.

Возмущенно ахнув, блондинка ушла. Роум провел ладонью по лицу и удрученно прижался лбом к стене. Он был явно на взводе.

Воспользовавшись тем, что он повернулся ко мне спиной и опустил голову, я тихонько проскользнула мимо. Свободно я выдохнула, только убедившись, что осталась незамеченной.

Выходя из дверей в яркий летний день, я не могла не чувствовать себя немного разочарованной тем, что Роум, очевидно, был одним из тех парней... игрок... сердцеед... типичный плохой мальчик.

Хотя с такой-то внешностью в этом не было ничего удивительного.

– Напомни мне еще раз, какого черта я щеголяю с практически голыми сиськами и задницей, обмотавшись простыней? – спросила я чуть громче, чем это было необходимо, пока мы шли с подругами на вселяющую страх ночь посвящения в выбранном нами женском обществе.

Лекси остановилась и развернула меня к себе лицом.

– Потому что это самый простой путь стать чирлидершей, и я наконец ей стану! Я убила на это три года. Главная стерва-чирлидерша заправляет всем этим сестринством, поэтому я намерена подружиться с ней и использовать в своих интересах. Это моя последняя попытка, так что хватит болтать и давай всем покажем!

– Я уже говорила это однажды, но повторю снова. Мы слишком стары для подобных глупостей! Мы взрослые, старшекурсницы... так какого черта они хотят, чтобы мы присоединились к их сообществу?

– Потому что, – с раздражением «объяснила» она. – Они выделили квоты для учащихся старших курсов и студентов по обмену – а это мы! – Хмурое выражение застыло на ее лице.

Ростом метр с кепкой, Лекси обладала стройной фигурой, коротко стриженными черными волосами и бледным лицом. Глаза и губы она красила черным. Ее внешний вид был абсолютно противоположен тому, как должна выглядеть типичная чирлидерша, но ее безумной мечтой было оказаться наверху пирамиды на футбольном матче.

Меня, ее соседку по комнате, прихватили в качестве группы поддержки. Точнее, меня и Касс, ста тридцати килограммовую блондинку из Техаса, которая тащилась позади, прикидывая, каких парней она хотела бы поиметь сегодня вечером. Как обычно, на Касс была белая ковбойская шляпа, черные кожаные ковбойские сапоги и, разумеется, обязательная для вступления в сестринство облегающая тога, которая смахивала на наволочку, в которую Касс еле втиснули.

Глядя со стороны на нашу троицу, я не могла не подумать, что мы будем странно выглядеть рядом с великолепными южными красавицами спортивного телосложения, что ожидали нас по ту сторону высокой белой двери.

В первую неделю моего пребывания здесь (неделю набора новичков) нас загнала в угол – в смысле внесла в список – слишком активная брюнетка. И вот спустя неделю нас пригласили для официального посвящения.

Лекси восприняла это как послание свыше от своего любящего чирлидинг всемогущего Бога.

Я же видела в этом лишь жестокое и причудливое наказание.

– В чем дело, сучки? – спросила Касс, встав перед нами. – Мы идем на эту джигу или как? Хочу быстрее взглянуть, имеется ли здесь первоклассная говядинка. Мамочкино тако нужно как следует начинить. – И дабы показать наглядно, она похлопала себя по промежности.

Когда я прилетела месяц назад, меня сразу поселили в общежитие кампуса в единственную свободную комнату, в которой и проживали эти две девушки. Я в них сразу влюбилась за их доброту, гордость за свою индивидуальность и отсутствие напыщенности. Они взяли меня под свои южные крылышки, и мы сдружились. Однако при знакомстве с этими великолепными леди я не понимала, что, приняв девиз «Один за всех, и все за одного», я окажусь в хлопковой тряпке из «Уоллмарта», дабы помочь моей подруге – королеве эмо-конкурса – осуществить мечту о чирлидерских помпонах.

Я прошла большой путь от жизни в одиночестве, восемнадцатичасовых занятий в библиотеке и пафосных ужинов в Оксфорде, сервированных серебряными приборами, к прогулкам в простыне, которая должна была напоминать о Древнем Риме.

Но не напоминала.

Даже близко.

Касс вытащила фляжку с самодельным виски откуда-то из своей обтягивающей тоги и сделала большой глоток.

– Ууу! Почувствуйте этот огонь, дорогуши, – пропела она, откидываясь назад и хлопнув себя по полному бедру. Затем провела языком по зубам, слизывая последние капли, и передала фляжку Лекси. Та отпила из емкости и, размахивая руками, с визгом заплясала на месте. Далее фляжка перекочевала ко мне.

Сделав маленький осторожный глоток, я сразу почувствовала, как мои глаза того и гляди вывалятся из орбит.

– О боже, Касс! Как ты можешь это пить? – Я выплюнула и принялась растирать горло руками, пытаюсь унять жжение.

Касс превратила свою часть ванной комнаты в заводик по производству самогона. Надо же было любить такую дрянь!

– Ты что, издеваешься? Это же как мамино молоко, и я люблю этот кааааайф... – протянула она, изобразив, что по ее коже прокатился электрический заряд, затем достала из потайной сумочки жевательный табак и засунула его под нижнюю губу.

На эту ее выходку мне только и оставалось как закатить глаза и вернуть фляжку. Взявшись за руки, мы направились в эту обитель зла.

Вестибюль Дельта Эпсилон Нью Омега... Бета... Пи... Каппа... – да какая вообще разница? – выглядел солидно. Большая дубовая лестница выделялась в этом внушительном особняке из красного кирпича, а люстры, свисавшие с потолка, отлично смотрелись бы и в Версальском дворце.

Девушки из общины сразу нас встретили и как скот погнали в просторную гостиную. Первокурсницы разгалделись от возбуждения, услышав, что нас ожидает знакомство с неуловимым президентом. Поразительно, как подобную

истерию мог вызывать одинединственный человек.

Участницы сестринства велели нам умолкнуть, и под драматическую барабанную дробь, любезно исполненную руками по столу, президент пронеслась через двойные двери с пущей театральностью, создавая атмосферу вечера.

Я мгновенно напряглась. Это была Шелли, расфуфыренная по полной программе и щеголявшая в очень узком коротком желтом платье.

– Добро пожаловать, новенькие. Сегодня вечером мы собрались здесь на заключительное посвящение в члены нашего уважаемого и первоклассного сестринства. Все в этом зале станут полноценной частью нашего общества и семьи не только на время учебы в университете, но и на всю оставшуюся жизнь. – Она начала расхаживать перед толпой. – Этот вечер мы посвятим веселью. Но перед началом вечеринки мы решили провести небольшое испытание... где вы докажете, что действительно хотите примкнуть к нашим рядам.

От вида ее самодовольной улыбки у меня возникло нехорошее предчувствие.

– Задание действительно быстрое и легкое, – заверила она, остановившись возле стола, покрытого черной тканью. Хихикнув, президент откинула ее, открывая сюрприз – огромное множество повязок для глаз.

Шелли прошла мимо нас, оценивая своих жертв. Зацепившись за меня взглядом, она несколько напряглась.

– Ну и ну, Молли! Что такое? Мне показалось, что ты не приветствуешь такого рода веселье? Так ведь? Или, может, ты думаешь, что вступление в сестринство поможет тебе лучше понять человеческую натуру, а?

Я закрыла глаза и сделала медленный вдох через нос, игнорируя вопросительные взгляды Касс и Лекси.

Мне очень не нравилась эта девица.

С самодовольной улыбкой и звонким смехом Шелли продолжила:

– Выполнить сегодняшнее задание помогут наши друзья из братства. С закрытыми глазами вам предстоит поцеловать – с языком – своего собрата-грека и угадать, что он до этого съел. Всего ничего, чтобы показать свою приверженность. А мы все отлично посмеемся. – Она взмахнула волосами, достойными рекламы шампуня, и остальные участницы захихикали в ответ.

Мерзавки.

Не нравилось мне все это.

Я вцепилась в руку Лекси и наклонилась ближе.

– Разве не ты говорила, что дедовщину запретили после какого-то недавнего скандала или чего-то такого? Только взгляни на эти повязки. Мы окажемся в унижительном положении... и это означает чертово издевательство над новичками! Я не могу этого сделать, Лекси. Я умываю руки.

– Пожалуйста, Моллс. Ради меня? – Лекси вооружилась своим фирменным щенячим взглядом. – Ничего ужасного нет в этом издевательстве над новичками; бог ты мой, это просто поцелуй с парнем!

Я опустила глаза и застонала. С ней было бесполезно спорить. Она снова пустит слезу, и я почувствую себя виноватой.

– Будешь мне должна!

– Подойдите к столу и возьмите повязку. Мы поставим вас в очередь и позовем парней, – пропела Шелли, искренне наслаждаясь происходящим.

Когда мы все завязали глаза, я услышала, как дверь со щелчком открылась и несколько пар ног вошли в комнату. Кто-то прошел за моей спиной, и меня чуть не стошнило от отвратительной вонючки – смеси алкоголя и сильного гнилостного запаха немытого тела.

Омерзительно.

– Когда я похлопаю вас по плечу, начинайте целоваться! Как только правильно угадаете вкус, будете приняты... все просто, – радостно сообщила Шелли.

Я могла сказать, что стояла в конце очереди, потому что, взмахнув рукой перед собой, скользнула по пустоте.

Мне выпала участь проходить испытание последней.

Характерные чавкающие звуки и возгласы, возвещающие о догадках девушек, наполнили комнату, а со всех сторон ехидно смеялись сестры.

От страха мой пульс участился, а руки затряслись, выдавая нарастающую панику.

Время, казалось, остановилось, когда подошла моя очередь. От парня из братства пахло... плохо. Но ради Лекси я это сделаю.

Легкое похлопывание оповестило, что пора начинать. Я собралась с духом и наклонилась вперед, но мое лицо обдало потоком воздуха. Сбоку раздался грохот, а потом мужской смех.

– Шевелись, Макмиллан. Мне кажется, ты занял мое место, – встрял голос.

– Н-нет... П-п-пуля! Шелли сказала... она сказала... – с заиканием пробормотал что-то с пола (звук доносился снизу) Макмиллан.

– Мне плевать, что она сказала. Иди и выпей, мать твою, или вырубись, или еще что-нибудь. Ты меня понял? – Угроза в голосе парня по прозвищу «Пуля» была слишком явной.

– Я-я понял тебя. Я понял тебя, чувак.

Я не понимала, что происходит и кому понадобилось драться за поцелуй со мной. День с каждой секундой становился все более странным.

– Подожди! Мак должен... – закричала Шелли.

– Закрой свой рот, Шел. – Тон парня не оставлял места для споров, поэтому Шелли притихла.

Я же занималась тем, что грызла ноготь большого пальца (моя вредная привычка в стрессовых ситуациях), когда новичок из братства встал рядом со мной. Он пах лучше предыдущего: летом, мылом и мятой. Чем-то знакомым. Приятным. Соблазнительным.

Большая мозолистая рука вытащила мой палец изо рта и опустила мою ладонь на твердую талию. Мои пальцы поползли по хлопчатобумажной ткани, покрывающей его торс, изучая выступы твердых мышц и очерченного пресса. С закрытыми глазами определенно обостряются остальные органы чувств: ты улавливаешь нюансы запахов, ощущаешь и слышишь гораздо лучше.

Руки парня обхватили мое лицо, и он принялся неожиданно нежно целовать меня в губы.

Но затем без всякого предупреждения, издав голодный стон, мой захватчик отбросил нежность и вторгся в мой рот своим языком, сражаясь против моего в битве за контроль. В которой я с радостью сдалась. Другого выхода не было.

Еще никогда я не испытывала чего-то подобного.

С каждой секундой поцелуй становился все более неистовым, все более интенсивным, и я отчетливо ощущала прохладную мяту – вкус или аромат, который я должна была определить, был мятным. Она была в его рту, в каждом уголке и на поверхности его полных губ.

Мне все же удалось вырваться из дурмана страсти и вспомнить, где нахожусь – в комнате, полной людей, – и, прежде чем полностью отдаться прикосновениям парня, я взяла свои мысли под контроль и с неохотой начала разрывать поцелуй.

Спрятав язык, я схватила запястья парня. Его руки оставались неподвижными по обе стороны моего лица. Отпрянув от его губ, я все же мазнула по ним языком, желая напоследок насладиться его вкусом, чем заработала удовлетворенное мычание.

Пока я пыталась отдышаться, я поняла, что в комнате впервые воцарилась абсолютная тишина.

Руки хватчика продолжали сжимать мои щеки в твердых, властных тисках, а его горячее, сладкое дыхание ласкало мое лицо.

Я прочистила горло и тихо объявила:

– Это мята. В его рту вкус...

Мне не удалось договорить, потому что губы парня из братства смяли мои с гораздо большим энтузиазмом, чем ранее, а его язык немедленно ворвался в мой рот.

Парень так сильно прижался ко мне лицом, что было больно. Его мягкие волосы, от которых веяло лесом и деревом, щекотали мне нос. Он стонал с каждым движением своего языка, углубляя поцелуй. Казалось, что он поглощал лучший в мире десерт. Мне ничего не оставалось, кроме как ответить взаимностью.

Я подняла руки, и мои пальцы запутались в его волосах – длинных, мягких. Я потянула за них, а в ответ получила неистовое рычание. Мы сражались друг с другом, чтобы стать еще ближе.

Я понятия не имела, как долго мы целовались, но казалось, что чем дольше это будет продолжаться, тем усерднее мое сердце будет стремиться выпрыгнуть из груди.

Парень властвовал надо мной, я повиновалась, но мы оба наслаждались в объятиях друг друга.

Как только его рука скользнула вниз к моей шее, кто-то дернул меня за плечо, и хватчик ослабил хватку.

– Довольно! Какого черта, Роум? Отойди от нее, сейчас же! – взвизгнула Шелли, чей голос удивительно напоминал скрежет ногтей по классной доске.

С моих глаз сорвали повязку, и, когда покров тьмы опустился, передо мной оказался Роум. Настолько близко, что кончики наших носов практически соприкасались. На нем была та же одежда, что и прежде.

Не обращая внимания на Шелли, которая рядом с нами продолжала истерику, он смотрел на меня с выражением явного желания.

– Привет, Мол, – прохрипел он, бросив взгляд на мои опухшие губы.

– И тебе привет... – прошептала я в ответ, не найдя других слов в своем измученном разуме.

Роум снова наклонился, и мой рот инстинктивно потянулся к его губам. Нас словно магнитом тянуло друг к другу. В этот момент Шелли схватила Роума за руку и отдернула назад. Несмотря на это, он не прервал нашего зрительного контакта.

– Эй! – резко крикнула она и с силой ударила его по щеке. Это привлекло внимание парня, но шокировало народ в гостинной.

Убрав ладонь с моего лица, Роум мягко, но твердо схватил президента сестринства за запястье и прошептал сквозь стиснутые зубы с пугающей ухмылкой:

– Не смей трогать меня, мать твою. Когда-либо. Снова.

Глаза Шелли расширились от его резкого, угрожающего тона, в то время как остальная часть компании уставилась на меня как на жертву неудачного научного эксперимента.

– Мята, – выпалила я, и Шелли повернулась ко мне лицом. – От Роума пахло мятой. Для этого нелепого обряда посвящения ты ведь хотела знать это, верно? – Даже по моим меркам слова прозвучали холодно. Я подняла глаза на Шелли, пытаюсь рассеять в комнате напряженную атмосферу.

Жесткий, злой взгляд Роума сфокусировался на мне, отчего у меня на мгновение перехватило дыхание. Еще никогда со мной не случалось ничего подобного, так

что я начала здорово паниковать от такого непривычного влечения.

Роум поджал губы, а его ноздри раздулись, словно он уловил мое желание.

– Она права. Я только что жевал жвачку.

Вывав руку из крепкой хватки Шелли, Роум оттолкнул ее, быстро развернулся и покинул гостиную, громко хлопнув дверью.

Через несколько напряженных секунд остальные братья последовали его примеру, оставив меня с удивленными новенькими и сестрами, которые изучали меня. Некоторые, явно впечатленные случившимся, ухмылялись, другие удивленно переговаривались.

Лекси и Касс бросились ко мне, несмотря на их широкие улыбки, они явно были взволнованны.

– Молли, ты знаешь, кто это был? – взяв меня за руку, пропищала Лекси.

– Знаю, это был Роум. Мы познакомились сегодня на лекции по этике и философии.

Касс фыркнула.

– Черт возьми, да, это был Роум, но он больше чем просто студент, Моллс.

– Неужели? – растерянно хмыкнула я.

Лекси наклонилась ко мне.

– Молли, он выпускник и, к твоему сведению, совершенно недосыгаем. Необщительный, весь такой мрачный и угрюмый, но что более важно, он чертов квотербек «Тайд»!

– Немного официальных статистических данных: метр девяносто и сто шесть килограмм твердых мускулов! – восхищенно добавила Касс.

– Он кто? Что?

Касс отшатнулась и прижала руки к своей полной груди, как будто я только что прокляла папу римского.

– Он звездный квотербек «Кримсон Тайд».

– О, я заметила надпись на его футболке. Это американская футбольная команда, верно?

– Верно? ВЕРНО? Разве в Англии нет футбола?

– Да, но у нас в него играют круглым мячом. Вы называете его соккером. Еще есть регби, крикет, теннис. В американский футбол у нас не играют, по крайней мере профессионально.

– Милый младенец Иисус... Не могу представить жизни без футбола. Никаких тебе тусовок, барбекю или ларьков с хот-догами. Это просто невыносимо.

– Я выросла с бабушкой в маленьком шахтерском городке на севере Англии. Ей нравилось вязать шарфы и играть в шахматы. Затем я поступила в Оксфорд, где училась двадцать четыре на семь, чтобы получить степень бакалавра. Прошу меня простить, если футбол не играл огромной роли в моей жизни! – Я попыталась пошутить, но почувствовала, как во мне поднимается знакомое беспокойство при одном упоминании о моей прежней жизни. Я подавила его, прежде чем меня успело накрыть.

Лекси пренебрежительно отмахнулась.

– Что ж, введу тебя в курс дела. Ромео Принс – начинающий квотербек «Тайд», футбольной команды нашего университета... И он определенно попадет в НФЛ в конце года. Поговаривают, ему делали предложение уже дважды, но по какой-то причине он решил остаться и получить образование, прежде чем стать звездным игроком. Ты, Молли Шекспир, только что целовалась на публике с самым желанным парнем кампуса. Парнем, который никогда ни с кем не завязывает отношений. Парнем, которого боятся другие ребята, а девушки ради которого с удовольствием пожертвуют легкое.

– Ага, везучая сучка! – добавила Касс, легонько ударив меня по руке.

Мое лицо, которое не выражало каких-либо эмоций, должно быть, намекнуло, что я по-прежнему не понимаю истинных последствий того, что только что произошло.

Касс театрально закатила глаза.

– Позволь объяснить тебе иначе, чтобы ты поняла. Ты – Кейт Миддлтон, и ты только что поцеловала принца Уильяма Алабамского университета и, возможно, всего американского студенческого футбола.

До меня наконец дошло.

– Значит, Роум здесь – большая шишка?

Их ухмылки дали понять, что это еще мягко сказано.

– Ромео Принс. Он довольно вспыльчивый, да? – тихо произнесла я, вспоминая его неповторимый, вызывающий привыкание вкус, собственнические руки на моем лице и глубокий стон удовлетворения.

– Чертовски вспыльчивый! Видела бы ты его на футбольном поле... Господи, это что-то с чем-то! У него сносит крышу, и он вышибает дурь из всех, кто стоит на его пути. Девчонок вроде как заводят все эти перепады настроения, и вообще он ходячий секс... быстрый, великолепный, загорелый. Черт, я чуть не кончила, просто думая о нем! – Я поморщилась от скабрёзностей Касс. Она же покачала головой. – И он не мог насытиться тобой, девочка! Да он был готов сорвать с тебя одежду прямо здесь! И чуть не снес голову Маку, когда тот собрался с тобой целоваться. А когда он толкнул его на пол, у него было такое убийственное выражение... У меня мурашки побежали по коже! – Наглядности ради она провела руками по телу.

Я насупила брови, как только до меня дошел смысл ее слов.

– Ромео Принс, – задумчиво пробормотала я. Он целовал меня с таким безрассудством, с таким необузданным желанием, что во мне шевельнулось

нечто доселе неизведанное.

– Да, Молли Шекспир... Постой! Ромео и Шекспир! Забавно, да? – Касс настолько разволновалась, что ее тога чуть не слетела, обнажив те части тела моей подруги, видеть которые мне совсем не хотелось.

– Боже мой! Это судьба! – Лекси засмеялась, прикрыв рот маленькой ладошкой.

Шелли выбрала именно этот момент, чтобы обратить на меня свое внимание.

– Убирайся отсюда, ты... ты... шлюшка! – выпалила она, брызнув в меня слюной.

Я сняла очки и вытерла слюни краем тоги.

– С удовольствием. Не очень-то и хотелось. Мое появление здесь было огромной ошибкой. Касс, Лекси, простите меня, но этот фестиваль любви «Мы-сестры-навек» не для меня. Увидимся дома, девчонки.

Мне необходимо оказаться подальше от этой стервы и перестать пытаться быть той, кем я не являюсь. Все это я делала только ради подруги, но теперь пора забыть об этом дне. Завтра все вернется на круги своя.

Касс свистнула, сунув пальцы в рот, дабы привлечь всеобщее внимание.

– Она прошла, Шелли. Она поцеловала парня и догадалась, что он ел. Все это видели, так что не испытывай мое терпение. Господи, Моллс завязали глаза, черт возьми! Было не похоже, что она ему навязывалась. – И сказав свое слово, она скрестила руки на груди и приняла угрожающий вид.

На мгновение маска суровости Шелли спала. Я не могла винить ее – сама бы задрожала, будь я причиной гнева Касс.

– Она не должна была его целовать! Он мой! – крикнула Шелли другим участницам сестринства, которые наблюдали за всем этим с различной степенью равнодушия.

– Думаю, ты сама понимаешь, что это он поцеловал ее... дважды, – объявила роскошная брюнетка, которая, подмигнув мне, направилась в мою сторону из задней части комнаты.

Она положила руку мне на плечо.

– Она принята. Не спорь, Шелли, или проиграешь, – сказала брюнетка с довольной ухмылкой на прекрасном лице. – Именно ты каждый год заставляешь новичков заниматься этим дерьмом, лишь бы повеселиться со своими прихлебательницами. Так что ты сама виновата, что на этот раз все обернулось против тебя. Вот же досада!

Шелли пронеслась мимо меня, но перед этим ткнула пальцем мне в грудь.

– Держись от него подальше, если не хочешь неприятностей, слышишь? Ты понятия не имеешь, с кем связалась! Абсолютно никакого понятия! – И, хлопнув дверью, покинула комнату.

Настало время гробовой тишины.

Брюнетка обратилась к новеньким:

– Поздравляю! Теперь вы часть этого фантастического сестринства... повезло же вам! Во дворе стоят бочонки. Идите, наслаждайтесь.

Новоиспеченные члены общества со счастливыми улыбками потянулись к выходу из гостиной, оставив Лекси, Касс и меня с длинноногой красавицей. Короткое красное летнее платье оттеняло ее оливковую кожу; у девушки были темные волосы до середины спины и темно-карие глаза. Сногсшибательная. Сногсшибательная, как супермодель.

Она подошла ко мне, ослепительно улыбнувшись.

– Прости за Шелли. Она всегда немного не в себе на таких мероприятиях, а после вашего публичного проявления чувств с моим кузенком у нее вообще крышу снесло.

– Кузеном? – пискнула я.

Она рассмеялась.

– Да, Роум – мой двоюродный брат, но скорее просто брат. Я – Элли Принс. С тех пор как нам стукнуло десять, Шелли только и мечтает стать его девушкой. Просто не обращай на нее внимания. Бери пример с меня.

– Да, она к нему относится немного собственнически.

Элли захохотала.

– Не знаю почему. Официально они никогда не были вместе. Могли в прошлом перепихнуться, но Шелли не может уяснить, что все кончено. Роум не особо моногамен... а с ней общается только потому, что их отцы деловые партнеры. Родители спят и видят, что Шелли станет его женой, да и ведут себя так, словно они уже помолвлены. Деньги к деньгам, как говорится.

Мое сердце ухнуло вниз от этой информации. Он должен обручиться? С ней?

Элли протянула руку и сжала мое плечо, ее лицо сияло от радости.

– Я никогда не видела, чтобы он так себя вел, девочка. И Шелли тоже. Поэтому-то она и в бешенстве. Даже мне показалось все это горячим, а я его кузина и, к твоему сведению, ярая противница инцеста! – подразнила она и взяла меня за руку. – Пойдем выпьем пива. Очень надеюсь, что мы с тобой подружимся, мисс Молли, хотя бы для того, чтобы я могла наблюдать, как мучается Шелли. Кроме того, я выдвину тебя и твоих подруг в кандидаты на комнату здесь, в доме сестринства. Их осталось не так много, но если ты переедешь, Шелли будет постоянно злиться, и мой год станет по-настоящему захватывающим.

Глава 3

Два часа спустя я сидела за столиком для пикника на мягкой лужайке с Касс, Лекси и Элли. Лекси подлизывалась к Элли. Зная, что она выступает в команде поддержки университета, моя подруга устроила ей допрос об отборе спортсменов и о том, что они искали в кандидатах. Касс же только и делала, что потягивала самогон да строила глазки здоровенному игроку из «Тайд» (это она мне сообщила), который стоял справа в ковбойском наряде.

Я не принимала участия в разговоре, поэтому в моей голове вертелась одна-единственная мысль – Роум. Он не вернулся после поцелуя. Во всяком случае, я не видела его на вечеринке, поэтому решила, что он ушел домой. Увы, стоило признаться, что я была немного разочарована этим фактом. Своим странным поведением он буквально пробрался в мое подсознание и не позволял забыть о том поцелуе. Из-за этого я стала думать о вещах, которые не входили в список моих обычных мыслей: о вещах, связанных с наготой, постелью и чертовски большим количеством пота.

Вслушавшись в разговор, я с ужасом обнаружила, как девушки переключились с темы чирлидинга на семью. Настал идеальный момент для короткой передышки.

– Эй, Элли, где здесь уборная? – внезапно спросила я.

– Можешь воспользоваться моей, дорогая. Наверху, третья комната справа. – Она выудила из сумочки ключ и вложила его в мою ладонь. – Всегда закрываю комнату, чтобы парочки не облюбовали ее на вечеринках.

– Хорошая идея. Спасибо. Я мигом.

Я прошла через двери патио к главной лестнице и буквально пролетела три пролета, стараясь не обращать внимания на охи и ахи, доносящиеся из-за закрытых дверей. Элли правильно делала, что держала комнату на замке. Судя по звукам, на каждом этаже кто-то развлекался.

Добравшись до нужной двери, я повернула ключ в замке и зашла внутрь, предусмотрительно заперев за собой. Не хватало еще пустить неугомонных первокурсников на кровать Элли.

Комната была прекрасна: белоснежные стены, красное постельное белье на широкой двуспальной кровати, большой старинный письменный стол в углу. Но все это не шло ни в какое сравнение с балконом. Красные полупрозрачные занавески развевались на легком летнем ветерке, и звездный свет мерцал на вплетенных в ткань серебряных нитях.

Я покачала головой при мысли о том, что все это принадлежало ей, а ведь она была всего лишь студенткой. Некоторые люди за всю жизнь не видели подобной роскоши – мой отец и бабушка вечно ютились в четырех маленьких комнатах. Я представила, сколько стоило проживание здесь. Эта мысль вывела меня из оцепенения, и я начала искать уборную, как и собиралась.

Я добралась до дальнего конца комнаты, когда с балкона раздалось отчетливое:

– Эл, это ты?

Я подпрыгнула на месте и схватилась за грудь, пытаясь унять отбивавшее чечетку сердце. В темную комнату вошел обладатель голоса, и я прислонилась к столбику кровати.

Роум.

Подняв глаза, я встретила с ним взглядом. Роума явно озадачило мое присутствие.

– В эту комнату вход воспрещен, Мол, – довольно резко сказал он, делая глоток пива из коричневой бутылки.

Мол. Мне нравилось, как эта краткая форма моего имени звучала в его устах. Никто и никогда не называл меня Мол, но как только слово вылетело из его губ, мне захотелось подать заявление на смену имени.

Я нервно выпрямилась и покачала ключом в сиянии лунного света. От его неприветливости было тяжело дышать.

– Да, я знаю. Элли дала мне ключ, чтобы я воспользовалась ее уборной.

Облизнув губы и не проронив больше ни слова, он вернулся босиком на уединенную террасу балкона. Я проводила его взглядом и поспешила в туалет. Справив нужду, я уставилась в зеркало, пытаюсь взять себя в руки.

Я позаимствовала у Элли расческу с туалетного столика, провела ею по своим вьющимся волосам и поправила резинку, которая удерживала копну каштановых кудрей. Заметив зубную пасту, нанесла немного на палец, провела им по зубам и, наконец, расправила свою помятую тогу, натянув ее на третьего размера грудь и одернув на округлой попе. К моему большому удовлетворению, татуировка на бедре была скрыта. В завершение, разгладив брови и пощипав пальцами щеки, я покинула безопасную уборную.

Я осторожно приоткрыла дверь и на цыпочках направилась к выходу. На полпути к двери Роум решительно крикнул:

– Мол?

Я застыла.

– Да?

– Хочешь посидеть здесь немного... со мной? – Его голос звучал напряженно, как будто спрашивая меня, он боролся со своим здравым смыслом. Что ж, нас таких двое. Я не была уверена, что доверяю ему... вообще.

– Мол?

– Да... Хорошо.

На балконе я обнаружила Роума, который сидел за столом в белом кресле и со скучающим видом смотрел через перила на лужайку сестринства.

Я поставила кресло напротив и наклонилась вниз, пытаюсь разглядеть, что же его так увлекло. Казалось, Роум не замечал моего присутствия, но потом пододвинул ко мне бутылку «Будвайзера». Отхлебнув свое пиво, он низко сгорбился в кресле и задумался.

Я осмотрела балкон позади себя, отмечая яркие растения в горшках, а когда повернулась обратно к Роуму, встретила пронзительный взгляд его темно-карих глаз. Впервые с тех пор, как я согласилась составить ему компанию, он слегка улыбнулся своими полными губами. Я отхлебнула напиток, просто чтобы чем-то занять руки. Роум молчал, подперев голову рукой.

– Как давно ты носишь очки? – спросил он, очевидно, чтобы завязать разговор.

– Думаю, с трех лет. Ну, или примерно. У меня всегда было дурацкое зрение, – ответила я.

Он повернулся, снова тупо уставившись на народ внизу.

Когда с нижнего этажа раздался грохот от разбитой бутылки, Роум наклонился через перила, чтобы посмотреть.

– Там становится шумно, – буднично пробормотал он.

– Ага, рекомендую пройтись по коридорам. Создастся впечатление, что попал в бордель. Я и не подозревала, что студенческая жизнь может быть такой... активной.

Он тихо усмехнулся и поднял пиво в шутливом тосте.

– Добро пожаловать в студенческую жизнь.

Я улыбнулась и тоже подняла свою бутылку. А затем одним длинным глотком осушила половину, чтобы пережить партизанскую атаку нервов.

Я поставила бутылку на стол, и Ромео вскинул бровь.

– Люблю пиво, – неубедительно пояснила я.

– Заметно, – с прежней веселостью хмыкнул он.

Я покраснела и опустила подбородок на ладонь.

– Так почему ты здесь прячешься?

Роум ссутулил свои широкие плечи.

– Не в настроении сегодня.

Я издевательски ахнула.

– Звездный квотербек не хочет общаться с восторженной публикой?

Его настроение мгновенно сменилось с веселого на раздраженное, и он принялся отрывать этикетку с бутылки.

– Итак, это не заняло много времени. Кто тебе обо мне рассказал?

– Лекси и Касс.

– Кто?

– Мои соседки по комнате, они сказали мне... после того, как мы... Эм-м, после того как мы... ты знаешь...

– Целовались? – напрямик уточнил он без тени смущения.

Я уставилась на красный кафельный пол.

– Э-эм... ага.

– Так что же тебе обо мне рассказали?

– Что ты тот самый Ромео Принс, непревзойденный квотербек «Кримсон Вейв», что ты принц Уильям студенческого футбола и бла-блабла...

Он перестал ковырять этикетку и прикрыл рот тыльной стороной ладони, чтобы заглушить смех.

Я раздраженно поджала губы.

– Что?

– «Тайд».

– А?

– «Кримсон Тайд». Не «Вейв».

– Да без разницы. – Я пожала плечами, снисходительно отмахнувшись от его поправки.

– Эй, не стоит так говорить, здесь это большая разница. Это... все. Вопрос и жизни, и смерти. – Он вздохнул и снова принялся за этикетку.

– Ромео, значит, да? – сделав еще пару глотков, уточнила я.

От глаз цвета какао повеяло ледяным холодом.

– Роум.

Я мотнула головой, поигрывая бровями.

– Ах-ха! Точно Ромео. Я получила достоверную информацию.

Он нахмурился, его лицо окаменело.

– Никто меня так не называет, Мол.

– Точно так же, как никто не называет меня «Мол», – возразила я, сама поражаясь своей смелости.

Это помогло мне заработать удивленный взгляд.

– Туше?, Молли?.. – Он замолчал, ожидая, что я назову свою фамилию.

– Молли Шекспир.

Роум приблизился, плотно сжав губы.

– Что?

– Шекспир. Молли Шекспир.

Раздражение отлично читалось в его устрашающем выражении лица.

– Ты что, прикалываешься?

– Нет. Ромео, я Шекспир... родилась с такой фамилией и с ней и живу.

Он замер на мгновение, потом откинул голову назад и, держась за живот, громко рассмеялся. Его красная майка слегка приподнялась, демонстрируя полоску загорелого живота.

– Это не единственная странность в наших именах, – нервно добавила я.

– Неужели? Потому что с тех пор, как я встретил тебя сегодня, происходят сплошные странности. Я еще не совсем понимаю, что все это значит. – Он нахмурился и покачал головой.

– Что ж, советую купить билет в один конец в город чокнутых, дружище, потому что мое второе имя Джульетта, Ромео, – выдала я, постукивая пальцами по стеклянному столу.

Напиток Роума застыл в воздухе, а язык парня – между зубами.

– Ты серьезно?

– Да, мой отец посчитал, что это будет своего рода дань семейной фамилии.

Роум склонил голову набок, с любопытством меня изучая.

– Очень подходит.

– Да, иногда, правда, немного смущает.

– Ну что, Шекспир, теперь ты тоже будешь относиться ко мне по-другому? Теперь, когда ты знаешь, что я Ромео Пуля Принс?

– Пуля? – Я сморщила нос в замешательстве.

Почесав рукой лоб, он объяснил:

– Футбольное прозвище. Из-за моей руки.

Я непонимающе на него уставилась.

– Моего броска...

Выражение моего лица не изменилось.

– Квотербек... – Роум указал на себя. – Квотербеки бросают мяч... в футболе... другим игрокам... Они лидеры в игре.

– Ну, раз ты так говоришь... – улыбнулась я и пожала плечами.

– Черт, ты действительно ничего не знаешь о футболе? – Казалось, сей факт его искренне поразил. Это читалось по выражению его лица.

– Нет. И не обижайся, не очень-то и хотелось. Мне неинтересно. У нас со спортом несовместимость.

Скребя креслом по кафельному полу, Роум придвинулся ко мне и, опираясь на руку, начал всматриваться в мое лицо.

– Мне нравится, что ты ничего не знаешь о футболе. Будет неплохо для разнообразия поговорить с кем-то о чем-то, не связанном с новой блицобороной или расстановкой игроков.

– Э-э?..

– Обожаю, что ты понятия не имеешь, о чем я говорю, – задумчиво произнес он.

– Рада стараться.

Роум потянулся к ящику с пивом. Сейчас он казался более расслабленным. Взяв бутылку, он ударил крышкой о край стола и передал ее мне. Прodelав то же самое со своей бутылкой, Роум повернул ноги в мою сторону и коснулся меня.

Казалось, что этим прикосновением меня лишили дыхания.

– Итак, Шекспир, чем ты занимаешься? Я так понимаю, ты гений, раз получила степень магистра и последние пару лет была ассистентом профессора Росс. Даже, скорее, чертовски башковитая, раз она привезла тебя с собой в Алабаму?

Я неловко заерзала и уставилась на столешницу.

– М-м-м, да. Что-то в этом роде.

– Не любишь обсуждать свою успеваемость? – заинтригованно спросил он.

– Не особо. Мне неловко говорить о том, в чем я хороша. Как по мне, странно наслаждаться таким вниманием.

– Значит, у нас есть что-то общее. – Голос его звучал счастливо... и удивленно.

Я накрыла его ладонь и прошептала:

– Ну, это и эпические имена из трагедии.

По руке растеклось тепло, и, увидев мою реакцию, Ромео понимающе улыбнулся.

– И это тоже.

«Роум? Роум? Кто-нибудь видел Роума? Куда он делся?»

Шелли.

Роум застонал и обхватил голову руками. Я допила остатки пива и отодвинула кресло, потому что внезапно во мне вновь вспыхнуло беспокойство.

Мне нужно было уходить.

Роум быстро поднял голову, на его лице отражалась тревога.

– Ты куда-то собралась?

Я перегнулась через балкон и увидела, как Лекси, Касс и Элли смеются на лужайке. «Я должна быть с ними, а не с Роумом». Шелли, спотыкаясь, топталась по газону. Да она еле стояла на ногах!

– Не хочешь ее проведать? – Я указала на задний двор. – Очевидно, она пьяна.

– Да класть я на нее хотел! Она просто ищет, кто бы на нее залез. Сейчас найдет перепихнуться кого-нибудь другого.

Пододвинув ко мне кресло, она приказал:

– Садись, Шекспир, и распей еще пива со своим самым знаменитым трагическим персонажем. Тебе не отвязаться от меня.

Взгляд Роума требовал, чтобы я повиновалась. Я игриво закатила глаза в ответ, схватив еще один «Будвайзер» и устраиваясь на своем месте.

– Если в ближайшее время не перестану пить, то тоже буду спотыкаться на лужайке. Ты хочешь, чтобы и я тебя искала?

Когда Роум облизнул нижнюю губу, я невольно повторила это действие.

– С каждой секундой это звучит все более соблазнительно.

Я не знала, что сказать в ответ.

Он явно был доволен собой, уловив мое беспокойство, но тему сменил.

– Итак, ты вступила в сестринство?

– Да, еще Элли хочет, чтобы я переехала в главный дом, с Лекси и Касс, разумеется. Не совсем моя тема, но я изо всех сил стараюсь влиться в студенческую среду.

Он улыбнулся.

– Вы поболтали с Элли?

– Угу. После того как ты ушел... из гостиной... ранее... после... э-э-э...

– Поцелуя, – еще раз помог закончить предложение он, но на этот раз слегка прикрыл глаза, а голос его прозвучал хрипло. Внимание Роума вновь было обращено на мой рот.

– Эм-м, да. Ну, Шелли кричала, чтобы я убиралась, а Элли появилась из ниоткуда и велела ей убираться самой.

Он провел пальцами по своим темно-русым волосам, тихо посмеиваясь.

– Она не самая большая поклонница Шел. Эл классная. Хорошо, если вы подружитесь. Она моя кузина и лучшая подруга. Поэтому у меня есть запасной ключ от ее комнаты на случай, если там становится слишком безумно. – Большим пальцем он указал через плечо на толпу студентов.

– Элли показалась мне милой.

– Она самая лучшая. – Откинувшись назад, Ромео заложил руки за голову. – Итак, Шекспир, из какого именно ты района Англии? Не смей говорить из Стратфорд-на-Эйвоне, не то я точно загремлю в психушку.

– Нет, и близко нет. Я из Дарема, – ответила я, хихикая.

Он сосредоточился, выпятив нижнюю губу.

– Нет, о таком не слышал.

– Смотрел «Билли Эллиота»? – спросила я, пытаюсь дать наводку.

– Фильм про танцующего парня?

Я усмехнулась.

– Ага. Ну, я из того же графства, что и герой фильма.

– Серьезно? – Стало совершенно очевидно, каким именно он представлял это графство: бесконечные ряды маленьких домиков, серость и относительная бедность по сравнению с безумным образом жизни здесь.

Роум опустил взгляд. Я накрыла его ладонь своею, и он вздрогнул от неожиданного прикосновения.

– Все в порядке. Я знаю, что бедная. Не стоит корить себя, что подумал об этом.

– Я не... – он запнулся и робко перевернул наши ладони, с любопытством за этим наблюдая.

Мне пришлось приложить уйму сил, чтобы совладать с нервишками.

– Да, ты так и думал. Все в порядке. Я знаю, что родилась далеко не в чарующем месте, но все равно им горжусь. Там я выросла, и, несмотря на репутацию, люблю его, хотя уже много лет не появлялась на родине.

– Твоя семья все еще там?

Семья. Острая боль пронзила мое сердце. Я закашлялась, чтобы скрыть панику, а затем принялась про себя умолять высшую силу вновь похоронить воспоминания как можно глубже, прежде чем я потеряю самообладание перед Роумом. Его рука коснулась моей спины, и тревога начала рассеиваться, угроза отступала перед силой поддерживающего прикосновения.

– Ты в порядке? Совсем побледнела, – произнес Роум, наклоняясь вперед и потирая мне спину.

Я сжала ладони, чтобы унять дрожь, а потом подняла глаза к его прекрасному лицу.

– Да, спасибо, – ответила я, не понимая, почему приступ паники отступил от такого простого жеста.

Вздернув подбородок, Роум продолжал на меня смотреть, тем самым молча убеждая меня ответить на его вопрос.

Я сделала глубокий вдох.

– Нет, у меня нет семьи.

Выражение его лица было бесценным. Не будь ситуация такой трагичной, это было бы даже смешно.

– Черт, ты сирота?

– Нет, но у меня больше никого не осталось. Не думаю, что взрослый человек все еще может считаться сиротой.

– Твоя мама?..

– Умерла во время родов.

– Папа?

– Умер, когда мне было шесть.

– Ни бабушек, ни дедушек, ни тетушек, ни дядюшек?

– Была... бабушка.

– И что?

– Умерла, когда мне было четырнадцать.

– Но тогда где?..

– В приемной семье.

– И все? Ты сама по себе в течение многих лет... Тебе ведь двадцать, верно?

– Да.

– Одна уже шесть лет?

– Ну, я училась в университете, где у меня были друзья. А профессор Росс взяла меня научным ассистентом на первом курсе и присматривала за мной, когда поняла, что у меня никого нет. Но да, длительное время я жила самостоятельно. Что было... трудно.

Он невольно склонился ко мне, как будто я была гравитацией и притягивала его. Довольно мило. Участие Роума было приятным и успокаивающим, особенно после долгих лет молчания, во время которых я никого к себе не подпускала. И вот разоткровенничалась не просто перед какой-то приятельницей, а... перед ним. Плохим парнем из университета. Я поздравила себя. Только я могла подпустить так близко того, кто разбивает сердца забавы ради.

Я опустила руку на его предплечье.

– Не хочу показаться невежливой, но этот разговор меня немного огорчает, Роум. Смерть и «Будвайзер» никогда не должны встречаться.

Он кивнул, и напряженная тишина вновь наполнила воздух. Тем не менее его ладонь осталась на моей спине, и я слегка подвинулась, чтобы усилить давление.

– Значит, ты с Шелли?

– Хорошая смена темы.

– Ну, должна же быть причина, по которой наш поцелуй привел ее в бешенство. Даже если он был только из-за посвящения.

– У нас... это сложно, – неуверенно ответил он.

– Где-то я уже слышала подобную отмазку.

– Нет, это не отмазка. Она таскается за мной с шестого класса. Наши родители настаивают на помолвке. Знаешь, чтобы защитить свои инвестиции и держать деньги компании в одной семье. Наши отцы – деловые партнеры. Шелли мне даже ни черта не нравится, скажу больше, она – огромная заноза в моей заднице.

– Но ты собираешься согласиться? Я про помолвку. Удивлюсь, что ты остепенишься с кем-то, кто тебе не особо нравится. Если вообще собираешься остепеняться, судя по слухам.

Роум сделал протяжный, тяжелый выдох.

– Долбанные слухи. Слушай, девчонки сами бросаются на меня. Когда мне предлагают, я беру. Почему бы, черт возьми, и нет? У меня нет девушки, никогда не было. Секс помогает мне избавиться от постоянного раздражения и показать окружающим, что я определенно не с Шелли. Я не намерен извиняться за это. Я люблю много трахаться и никогда не трахаю одну и ту же девушку дважды.

Уверена, что от его похабщины я сидела с открытым ртом. Но, очевидно, он не заметил мою реакцию.

– У моих родителей есть определенный план. Я должен окончить университет, жениться на Шелли, возглавить семейный бизнес и жить дурацкой американской мечтой.

– Значит, ты не хочешь профессионально играть в футбол? Я вроде слышала, что тебя ждет успешное будущее?

Его лицо просветлело.

– Да, я хочу играть. Люблю играть. Для меня это так же естественно, как дышать... броски, дух товарищества, рев толпы в день игры, идеальный бросок для тачдауна. Мои родители этого не одобряют. Они просто... Черт, не важно. Я чертовски ненавижу, когда родители диктуют, как мне жить, вот и все.

– Так поступай, как хочешь. Наплюй на всех.

Роум вскинул голову к небу, и на его губах появилась унылая улыбка.

– Проще сказать, чем сделать.

– Нельзя жить ради других, Роум. Ты должен стремиться осуществлять собственные мечты. Если ты будешь счастлив, наверняка и твои родители будут счастливы, а если нет, то со временем они это переживут. Не будь с кем-то, кто тебе не нравится, вроде Шелли. Найди девушку, перед которой не сможешь устоять, которой будешь действительно очарован. С которой почувствуешь связь.

– Как ты, Мол?.. С девушкой, похожей на тебя?

– Ты меня даже не знаешь, – прошептала я, широко распахнув глаза, когда он бессознательно потянулся ко мне.

Роум поднял руку и скользнул указательным пальцем по моей щеке, посылая рой мурашек по моей коже.

– Ромео хватило одного взгляда на Джульетту, чтобы его судьба была решена. Может быть, я такой же, как мой тезка, а ты – как твоя.

Его рука опустилась на мое колено и поднялась вверх по обнаженному бедру, и его розовый язык скользнул по нижней губе. Наклонись мы ближе... немного... ближе... мы... могли бы... чуть было не...

Дверная ручка комнаты Элли задрожала, и момент нашего уединения прервал пронзительный визг.

– Роум? Роум? Открывай! Я знаю, что ты там!

Шелли. Опять.

– Твою мать! – ругнулся Ромео. Поднявшись, он швырнул пустую бутылку в мусорное ведро.

Я тоже вскочила. Из-за того, что нас прервали, по моим венам растекался гнев.

– Что за девица! – выкрикнула я, и мне пришлось ухватиться за перила балкона, чтобы успокоиться.

Роум с восхищением наблюдал за мной и моей реакцией. Как только мы устали друг на друга в явном желании, он сжал кулаки.

– Пойду я лучше, Роум, – тихо прошептала я, закрыв глаза в надежде усмирить свои чувства.

Ромео стоял напротив и молча наблюдал. Я не умела читать мысли, поэтому отсутствие ответа взбесило меня.

– Оставляю вас с Шелли. Думаю, так будет лучше, – сказала я, на этот раз более уверенно.

Он вздохнул и вцепился руками в затылок.

– Мол...

Что бы он ни собирался сказать, он не сказал, и я восприняла это как намек, что пора сваливать.

Вот тебе и Ромео, влюбившийся в Джульетту!

Когда я проходила мимо, парень схватил меня за руку и рывком прижал к своей груди. Я врезалась в его мышцы, и от этого прикосновения перехватило дыхание.

Ромео заправил прядь волос мне за ухо.

– Мне понравилось болтать с тобой, Шекспир. Все было по-другому... – Он выглядел таким же растерянным, как и я. Затем схватил меня за край тоги и прижал к своему спортивному телу, насупив брови.

– И мне, Ромео, – выдохнула я. – Но наш маленький разговор, кажется, подошел к концу. Во всяком случае, я думаю, так будет лучше.

Я высвободила руки из его хватки и неохотно открыла дверь. Шелли, полностью игнорируя меня, ввалилась внутрь и небрежно прыгнула в объятия Роума, обхватив ногами его талию.

– Я хочу тебя, Роум. Трахни меня прямо здесь, прямо сейчас.

Я резко остановилась.

Шелли прижалась к губам парня и начала тереться бедрами о его промежность. Тот удивленно хмыкнул, но схватил ее за руки.

Я застыла, казалось, на целую вечность, и, охваченная раскаленной добела яростью, оставила их наедине. Как же я была зла! Сначала флиртовать со мной, а потом практически у меня на глазах трахаться с другой?! А ведь я догадывалась, что репутация бабника была заслуженной. Глупо было полагать, что меня могло что-то связывать с кем-то подобным. Касс и Лекси предупреждали, но я как идиотка потеряла бдительность... Хотя рядом с ним

все ощущалось таким правильным.

Я вернулась к подругам и упала на деревянную скамейку. Касс уютно устроилась в объятиях того супербольшого парня.

– А кто эта хорошенькая маленькая леди? Здесь где-то выращивают горячих цыпочек, а я и не знаю? – спросил он, театрально оглядываясь вокруг, на что я рассмеялась, позабыв о дурном настроении.

– Я Молли. Ты?

Он мне сразу понравился: большой, приятный, с ярко-розовыми щеками.

– Я Джимми-Дон Смит, дорогая. Очень приятно познакомиться. – Он приподнял свою ковбойскую шляпу и повернулся, чтобы поцеловать хихикающую Касс в шею.

Элли развернула меня к себе.

– Где тебя черти носили?

– С Роумом в твоей комнате. Он воспользовался запасным ключом.

Она хлопнула меня по руке, ее глаза расширились, а белоснежная улыбка осветила ее лицо.

– И?

– Успокойся! Ничего не произошло. Мы просто поговорили, выпили пару бутылок пива, – поспешно ответила я, шикнув на нее.

– Он снова тебя поцеловал? – Она практически подпрыгивала на месте.

Я в шоке покачала головой.

– Нет. Он поцеловал меня только из-за посвящения, Элли.

– А мне кажется...

Я вскинула руку, прерывая ее.

– Шелли нашла его в твоей комнате. Они сейчас там. Возможно, учитывая то, что я увидела, ты захочешь сменить простыни.

Она ударилась головой об стол.

– Что?! Зачем он снова наступает на те же грабли? Я думала... – Элли покосилась на меня.

– Что? Что ты думала?

Она изучала меня, прикусив губу в раздумьях, а затем просто покачала головой.

– Ничего, я явно ошиблась.

Я отвернулась и увидела, как Лекси показывает какой-то девочке сальто.

– Хочешь еще выпить? – спросила Элли, разочарованно вздохнув.

– Конечно, – ответила я.

Я вполне могу наслаждаться вечером и не думать о том, как принц Алабамы предается разврату со Всемогущей мисс Чирлидинг в роскошной красной спальне моей новой подруги.

Глава 4

– Говори четко и лаконично, диафрагма свободна. Сделай глубокий вдох. Ты хорошо знаешь тему, так что все пройдет отлично.

Я кивала, пока профессор Росс настраивала меня на проведение семинара. Она была занята исследованиями телеологических аргументов для студенческого журнала, поэтому попросила меня возглавить сегодняшнюю дискуссию.

– Если я не ошибаюсь, футбольная команда все еще в отъезде, так что должно присутствовать только тринадцать или четырнадцать человек.

Я потянулась, разминая шею.

– О'кей. Думаю, я готова. – Я сложила свои записи в стопку перед собой и исподлобья наблюдала, как студенты начали заполнять аудиторию, которая располагалась напротив кабинета профессора.

Сьюзи стояла рядом, забавляясь моим видом.

– Итак, я слышала, ты переехала?

– Да. Мы вступили в сестринство, поэтому нам с Касс и Лекси выделили комнату.

– Молодец, Молли. – Она похлопала меня по плечу. – Как комната? Симпатичная?

Я усмехнулась.

– Скорее удивительная. Она огромная: массивная кровать, ярко-белые стены и балкон... офигенный балкон!

– Неужели? Значит, она совсем не похожа на оксфордские общежития?

– Э-э... разве чуть-чуть. – Я повернулась к профессору. – Помните, как пару лет назад мы ездили на семинар в Италию?

– М-м-м. – Сьюзи с энтузиазмом кивнула.

– Ну, мой балкон точно такой же, как в Вероне. Прямо как в доме Джульетты. Я не могу поверить, что так можно жить в университете! Абсолютное безумие. Но теперь у меня официально ограничен бюджет, это точно.

Сьюзи рассмеялась, сжав своими хрупкими руками мои плечи.

– Наслаждайся, моя девочка. Ты это заслужила.

Я подошла к кондиционеру и прибавила мощность, прежде чем растаять. В тесном кабинете было жарко как в духовке. Солнце все еще жгло землю, поэтому я надела короткие джинсовые шорты и белый льняной топ. Я даже сменила любимые оранжевые кроксы на белые, чтобы дополнить образ и, возможно, немного позлить Шелли своим причудливым чувством стиля. Волосы, как обычно, были собраны в высокий свободный пучок, а очки прочно сидели на месте.

Я еще раз взглянула на аудиторию, где почти все места оказались заняты. Шелли вошла со своей свитой, и, как ни странно, с разницей в секунду последовал Роум, болтая с Элли. Я мысленно выругалась – команда, должно быть, вернулась. Словно мне мало сложностей в проведении семинара, так я еще начала нервничать из-за Ромео.

Я наблюдала через щель в двери кабинета, как он вошел в аудиторию и бросил взгляд на мое место. Увидев, что там никого, он ссутулил плечи и опустил голову. Что меня только разозлило. Зачем огорчаться из-за моего отсутствия, когда девушка, ради которой он отверг меня, сидела на задней парте, ожидая его прихода и внимания? Я приказала себе сосредоточиться на лекции и не обращать внимания на то, что он здесь.

Сжимая свои записи, я вышла из кабинета профессора в аудиторию, и Роум повернул голову в мою сторону. Он надел классические джинсы и черную майку, его волосы были все так же сексуально взъерошены, а на лице появилась умиротворенная улыбка, когда он понял, что я пришла.

Проходя мимо, он, дернув подбородком, поприветствовал меня коротким «Шекспир», затем поднялся по лестнице и занял свое обычное место. Шелли попыталась ухватиться за него, но он с тяжелым взглядом вырвал свою ладонь, и девушка, надув губы, скрестила руки на груди. Я улыбнулась, но быстро

привела себя в чувство, когда профессор Росс вошла в аудиторию и взмахом руки предложила мне начать.

Я подошла к кафедре и глубоко вдохнула.

– Привет всем. Профессор Росс попросила меня провести сегодняшний семинар по введению в утилитаризм, а на следующих занятиях я дам краткие комментарии по основным доводам, перед тем как мы начнем обсуждать конкретные примеры.

Я двинулась к боковому столу и положила свои записи. Я знала эту тему как свои пять пальцев.

– Проще говоря, утилитаризм – это теория, согласно которой действия индивида основаны на том, что мы, люди, активно ищем удовольствия при принятии решений. Поэтому этот аргумент рассматривается как гедонистический подход к этике: мы совершаем поступки ради удовлетворения, нами движет стремление получить наслаждение. Иеремия Бентам считал, что люди действуют по принципу «наслаждение-страдание», то есть стремятся к удовольствию и избеганию боли любой ценой.

Я скользнула взглядом по студентам, чтобы убедиться, что меня внимательно слушают. Пока все шло хорошо.

– По мнению Бентама, данную норму возможно применить к обществу в целом, но оно будет функционировать лучше, если будет работать по принципу «наибольшее счастье для наибольшего числа индивидуумов». Это можно заметить во многих слоях общества, но хорошим примером является то, как мы голосуем в условиях демократии. Большинство голосов приносит пользу большинству людей. Поэтому большинство людей в этом обществе счастливы, то есть испытывают удовольствие от результата, создавая более полезное общество.

Я услышала покашливание и как кто-то шумно заерзал на своем месте. Я посмотрела в направлении нарушителя тишины и увидела, как Роум наклонился вперед, опустив подбородок в сложенные ладони. Его внимание было всецело сосредоточено на мне.

Моя внутренняя шкала раздражения поднялась, но я собрала с мыслями и вновь проигнорировала парня.

– На чем я остановилась? Ах да. Сегодня мы обсудим концепцию принципа «наслаждение-страдание» и обсудим, действительно ли люди по нему действуют. Я, например, склонна по большей части согласиться с этой теорией...

– Серьезно?

Я подняла голову и увидела, как вся группа уставилась на Роума. По реакции студентов было очевидно, что он не часто говорит на лекциях.

– Прошу прощения?

Он катал карандаш между пальцами, прожигая меня взглядом.

– Я удивился, что по большей части ты согласна с Бентамом.

Я почувствовала, как мои щеки начинают гореть от волнения.

– Тогда ответ – да, ты правильно расслышал.

– Ха! – бросил он и, закусив карандаш зубами, переключил внимание на Элли, которая ткнула его локтем в ребра и жестом велела прекратить.

Я закипала все сильнее. Хамское поведение на меня всегда действовало подобным образом. Я старалась оставаться профессионалом, но что-то внутри меня надломилось. Ромео Принс меня достал.

– Что «ха»? Ромео? – спросила я, понимая, что дразню его полным именем.

Его взгляд ожесточился. Он отдернул карандаш от губ, взяв его в руку.

– Я просто думаю, что глупо так идеалистично думать, Шекспир, и для человека с твоим предполагаемо высоким интеллектом я удивлен, что это вообще вырвалось из твоих уст.

Я непроизвольно стиснула зубы и принялась было объяснять свои мотивы, но он снова заговорил:

– Я вот к чему, давай посмотрим на принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа индивидуумов» с другой стороны на твоём же примере с голосованием. Ты упомянула, что для общества это считается благом, потому что большинство оказались довольны результатом, но все, что я вижу, – это недостатки. Как быть, если «большинство» голосующих людей плохие или имеют злые умыслы, а меньшинство – невиновно? Хорошие люди подвергаются опасности из-за того, что их меньше. Что, если у кандидата, за которого ты голосовала, есть скрытые мотивы или он отказывается от того, что обещал?

Возьмем Гитлера. Его избрали демократическим голосованием, и какое-то время он принимал верные решения для большинства людей, которые жили в нищете без надежды выбраться со дна. Но посмотри, чем это закончилось... Я просто хочу сказать, что хотя в теории все кажется логичным, практическая сторона на самом деле не работает, не так ли?

В аудитории стояла такая тишина, что, честно говоря, я ожидала появления перекасти-поле. Роум, казалось, был более чем доволен своим маленьким выпадом, отчего я почувствовала, как все внутри встает на дыбы. Я инстинктивно двинулась к лестнице, чтобы убедиться, что он услышит мой ответ. Мне хотелось разнести в пух и прах его дерзкий комментарий.

Я подняла палец в воздух.

– Для начала будь любезен и дай мне закончить, прежде чем грубо прерывать. С чем я согласна, так это с тем, что люди во многих ситуациях живут ради удовольствия, а не боли, по крайней мере, по большей части. Конечно, ты согласишься с этим, мистер Ох-какой-фантастический-квотербек. Разве ты не принимаешь большинство решений, основываясь на своей прославленной футбольной карьере, которая приносит тебе удовольствие?

Студенты крутили головами из стороны в сторону, словно наблюдали за игрой в теннис.

– Ты права, полагаю, но я делаю это и для зрителей, и для моих товарищей по команде. Они находят радость в футболе, в отличие от некоторых.

– Что это значит?

– Я хочу сказать, Шекспир, что в Алабаме футбол – это величайшее удовольствие: играть, смотреть, тренировать. Моя игра и, следовательно, мой успех приносят пользу как мне, так и другим. Похоже, ты единственная, кому это не нравится.

– Тогда ты доказал, что я права. В Алабаме величайшее благо для наибольшего числа людей – это футбол, так как он приносит удовольствие большинству населения, – самодовольно заметила я.

Он провел рукой по заросшему щетиной подбородку.

– В этом отношении ты, может быть, и права, но не всегда все так просто.

Я скрестила руки на груди, желая услышать, что же дальше.

– Продолжай.

– Ты говоришь о людях, которые делают что-то для удовольствия и избегают боли?

– Верно, – согласилась я.

– Но многие люди совершают поступки, которые причиняют им боль или дискомфорт, чтобы удовлетворить потребности и желания других людей. – Я предположила, что он имел в виду свои странные отношения с Шелли, которая в данный момент сидела мрачнее тучи из-за нашего спора.

– О, не думаю, что всегда так мучительно делать что-то, что желает другой.

Роум зажал карандаш между ладонями и прошипел сквозь зубы:

– Яснее, Шекспир. К чему ты клонишь?

Я не могла остановиться. Ярость, которую я испытывала к нему в течение нескольких дней, вырвалась наружу.

– Что ж, давайте возьмем, к примеру, секс. Один из двух людей, участвующих в акте, может хотеть этого сильнее, в то время как второй может быть совершенно безразличен в своих желаниях, но в итоге он уступает, чтобы сделать первого человека счастливым. Однако – и в этом заключается ирония – тот, кто несчастен, все же находит сексуальное освобождение, поэтому в действительности не испытывает вообще никакого неудовольствия. Ведь так? – Я ответила в его духе.

Карандаш хрустнул в его руках.

– Или вот еще пример: человек решает, что хочет поцеловать другого человека из-за некоего странного, необъяснимого притяжения, но затем, оглядываясь назад, понимает, что это было фатальной ошибкой. Что он впервые заговорил о сокровенном с новым знакомым, думая: «Может наконец стоит открыть кому-то настоящего себя?» Но вскоре осознает, что сделанное было глупостью и вообще не должно было произойти. Закрепив свое мнение о том, что люди – это просто одно большое разочарование!

Парень бросил обломки карандаша на пол и нервно провел руками по волосам. По комнате разнесся тихий ропот.

Наши взгляды встретились, мы оба тяжело дышали от эмоционального напряжения в нашем споре, ни один из нас не знал, что делать дальше. Такие сильные эмоции были новым ощущением для нас обоих.

Профессор Росс прервала нас покашливанием. Я бросила взгляд на настенные часы, заметив, что время семинара подходило к концу.

– В следующий раз мы рассмотрим личные записи Бентама. Обязательные материалы для прочтения вы найдете в учебном плане. Семинар окончен.

Я поспешила обратно в безопасное место за своим столом, борясь с внезапным приступом тошноты. Произошедшее привело меня в замешательство куда сильнее, чем первое прочтение Фридриха Ницше в оригинале на немецком.

Профессор Росс подошла, обмахиваясь руками.

– Что ж, все прошло не как мы планировали, Молли. На самом деле ты затронула абсолютно другую тему, нежели было предусмотрено, что крайне неуместно, но было очень интересно наблюдать за вашей дискуссией. Хочешь обсудить? От вас двоих летели такие искры.

– Нет, я не хочу обсуждать. – Я взяла свои книги. – Простите меня. Лучше схожу в библиотеку. Мне нужно учиться. Скоро сдавать работу.

Она поджала губы.

– Хорошо, но ты знаешь, где я, если понадобится.

Я избегала ее взгляда.

– Спасибо. – С облегчением убедившись, что аудитория свободна, я вышла.

Уже у дверей Роум преградил мне дорогу, встав так близко, что фактически мы дышали одним воздухом.

– Какого хрена все это было? – закипел он.

– Ты вел себя грубо, – обвинила я, убедившись, что мы одни.

– Я вел дискуссию! Так обычно делают на философии. А ты затронула личное.

– Как и ты!

Мы уставились друг на друга – битва характеров. Мурашки, как лесной пожар, распространились по моему телу.

Первым сломался Роум.

– Зачем ты приплела тот разговор? То, о чем я говорил с тобой, было конфиденциальным. Я поведал тебе то, чем не делился ни с одним живым

человеком, а ты бросила этим в меня на публике! Я доверился тебе, а ты стала ворошить это ради спасения собственной задницы!

Я расхохоталась.

– Доверился? Давай не будем! Весь колледж знает, что ты используешь девушек для секса, от чего, честно говоря, меня тошнит. И судя по тому, что я видела тем вечером, ты как раз это и сделал с ней, заявив перед этим, что она тебе не нравится. И, между прочим, сразу после того как якобы «почувствовал связь со мной». В чем же здесь мораль? Не смог устоять перед парой раздвинутых ног, я так понимаю?

Роум издал невеселый смешок и медленно двинулся вперед. Я стояла на месте, создавая впечатление уверенности.

Он толкнул меня, и я оказалась зажата в углу.

– Почему тебя волнует, кого я трахаю? Какое тебе дело?

Я пристально смотрела на него и молчала в течение нескольких секунд, прежде чем прошипеть:

– Мне все равно.

Он злобно ухмыльнулся и ударил ладонью по стене надо мной.

– Ты лжешь.

Я чувствовала, как в животе все горит от ненависти, поэтому сильнее вцепилась в книги.

– Я не лгу. Это никак не связано с тем, кого ты трахаешь, как ты красноречиво выразился!

Лицо Роума оказалось еще ближе ко мне.

– Чушь собачья! Я тебе ни хрена не верю!

Я толкнула его в грудь одной рукой, но он не сдвинулся с места.

– Повторюсь, я не верю тебе! Скажи мне, какого черта тебе не все равно, и не лги, мать твою! – снова зарычал он.

Он заблокировал все пути отступления, и я издала раздраженный стон.

– Прекрасно! Мне не все равно, потому что ты меня поцеловал! Ты целовал меня так, словно у тебя не было другого выбора, черт возьми! Мне не хотелось стать еще одной игрушкой, но я доверилась тебе. Я никогда этого не делала, и теперь вспомнила почему!

Он крепко прижал меня к стене своей мускулистой грудью. Его губы приоткрылись, обдавая меня горячим дыханием.

– К твоему сведению, я ее не трахал. На самом деле я предельно ясно дал ей понять, что между нами никогда ничего больше не будет. Я прислушался к твоим словам... насчет жизни ради себя. Ты достучалась до меня. Ты... повлияла на меня. И хочу сразу прояснить... ты не игрушка, Шекспир. Я могу пользоваться всеми вокруг, но я бы не стал пользоваться тобой.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но Роум прижал указательный палец к моим губам. В его глазах читалось предупреждение.

– Ты храбрая, Шекспир, раз говоришь со мной так. Я... Я не терплю подобного ни от кого. Местные знают, что ко мне нельзя приближаться. У них хватает ума оставить все как есть.

Прищурившись, я смахнула его руку.

– Ты мне угрожаешь?

Он мрачно улыбнулся, и я не могла решить, хочу ударить его по лицу или подчиниться, просто чтобы посмотреть, что произойдет дальше.

– Не угрожаю, Шекспир, а отдаю должное. Я нахожу тебя и твой рот по-настоящему привлекательными. Но я больше заинтересован в том, чтобы научить тебя держать язык за зубами.

Мое сердце подпрыгнуло, а между бедер распространилось тепло. Но я изо всех сил пыталась бороться со своей предательской реакцией.

– Прибереги такие разговоры на случай, когда ты снова решишь перепихнуться с Шелли.

– Я же сказал, что ни хрена ее не трогал!

– А она сказала другое.

– Меня не волнует, что она говорит. Я думал, ты другая, Мол. Зачем ты все время приплетаешь Шелли или футбол после того, как я поделился с тобой тем, через что мне пришлось пройти? – Казалось, он искренне разочаровался во мне.

Чувство вины и сомнения закрались в мое сердце, и я потерла пульсирующие виски.

– Послушай, у меня паршивое настроение. Не стоило так на тебя нападать. Прошу прощения за то, что предала твое доверие. С моей стороны это было дурным тоном. Я злилась на тебя, злилась уже несколько дней. Я не знаю, как мне вести себя рядом с тобой. Ты... сбиваешь меня с толку.

Мы снова погрузились в молчание. Ромео все еще сердито смотрел на меня сверху вниз, удерживая в углу своим крепким телом. Казалось, он собирался разорвать меня надвое голыми руками. Я попыталась обойти его, но он схватил меня за предплечье своей большой ладонью.

– И куда, черт возьми, ты собралась?

Я медленно выдохнула.

– Ухожу. Я сыта этим по горло... нами и тем, что, черт возьми, только что произошло.

Я предприняла вторую попытку проскользнуть мимо него.

– Ты, черт возьми, сводишь меня с ума, Шекспир! – зарычал он и обхватил свободной рукой мою шею сзади, притягивая меня ближе, пока его губы не нашли намеченную цель.

Он не был ласковым, осторожным или внимательным. Он брал то, что хотел, не думая обо мне... И мне это нравилось, нравилось, что он контролировал мое тело.

Я выронила книги на пол. Вместе с ними полетели куда подальше и все оставшиеся запреты. Мои руки больше не могли ничего делать, кроме как вцепиться в его майку в надежде удержаться в этой гонке.

Простонав, парень развернул меня в своих объятиях и прижал к стене, ударяя спиной о твердый цемент и позволяя мне почувствовать его возбуждение своим животом. Его язык боролся с моим, вытягивая всю мою скрытую потребность в нем с каждым новым движением.

Ромео разорвал поцелуй, раздраженно выдохнув. Его загорелая кожа была обжигающе горячей на ощупь.

– Черт, Мол, почему я не могу выкинуть тебя из головы? Ты – все, о чем я, мать твою, думаю, и я не знаю, что с этим делать.

– Думаешь? – пискнула я.

Он перевел на меня свой дикий взгляд.

– Каждую минуту. Каждого. Дня.

Роум отступил назад, давая мне столь необходимое пространство. Мне нужно было бежать – рядом с ним я не могла ясно мыслить. Я наклонилась, чтобы поднять книги, а когда выпрямилась, Роум стоял, заложив руки за голову, и в его темных глазах горел неутоленный голод.

Он очень медленно облизнул нижнюю губу, и мне больше всего на свете захотелось почувствовать это.

– Я не знаю, что с тобой делать. Это приводит меня в замешательство, и мне это не нравится. Еще никогда я не чувствовал себя так из-за какой-то девчонки. – Он наклонил голову, оценивая меня. – Но я не думаю, что ты просто какая-то девчонка. Я размышлял об этом с той минуты, как увидел тебя, такую взволнованную в коридоре перед первой лекцией. Господи, после того проклятого посвящения я не хочу пробовать никого, кроме тебя. – Темное пламя, которое придавало его глазам цвет полуночи, почти заставило меня застонать от сильнейшего вожделения.

Поэтому я сделала то, что делаю лучше всего, когда не могу справиться с ситуацией.

Я убегаю.

– М-мне н-нужно в библиотеку, – нервно заикаясь, выпалила я и бросилась к выходу. Меня трясло, я была обескуражена, сердита, но еще и невероятно возбуждена. Меня беспокоило то, что меня привлекала его напористость. Я бы даже сказала, что помимо того, что между нами произошло, это беспокоило меня больше всего.

Открывая входную дверь, я рискнула оглянуться.

И совершила огромную ошибку.

Ромео стоял в центре коридора, наблюдая за мной со скрещенными на груди руками.

Я опустила дверную ручку, когда его жесткий голос заставил меня замереть.

– Это еще далеко не конец, Шекспир... еще далеко не конец!

Томление внутри вновь нарастало. Я испугалась и ускорила шаг, решив забить на библиотеку и сразу отправиться домой. Будучи на грани обморока, мне необходимо было спрятаться в убежище моей комнаты.

Он не спал с Шелли. Я была всем, о чем он думал, и я не могла не чувствовать волну счастья, наполняющую мое сердце впервые за много лет.

Глава 5

Я пролежала без сна четыре часа, наблюдая, как тени от сосновых ветвей пляшут по потолку. Уже пятую ночь я страдала бессонницей. Я была выбита из колеи и запуталась настолько, что не могла нормально думать, не могла спать и, честно говоря, в принципе функционировать. Основная причина – Ромео Пуля Принс.

Он вместе с футбольной командой «Тайд» уехал в Арканзас сразу после нашего маленького выяснения отношений в коридоре, оставив меня переживать из-за того, что между нами происходило. Не упрощали мне жизнь и выставленные на всеобщее обозрение фотографии в Facebook, на которых другие члены команды целовались с девушками в убогих ночных клубах или на вечеринках после матча. Стоило мне представить, что Роум занимался тем же, меня начинало тошнить.

Отказавшись от попыток заснуть, я откинула одеяло и побрела в ванную комнату, где шагнула под душ и позволила теплой воде взбодрить меня.

Но ничего не вышло.

Я со вздохом прислонила голову в прохладной плитке. Как себя вести при нашей следующей встрече? Элли сказала, что команда должна вернуться сегодня, поэтому я решила спрятаться в месте, где суперспортсмен определенно не появится, – в библиотеке.

Спустя полчаса я оделась, собрала книги и вышла на большую лужайку, греясь в утренних лучах солнца. Семь часов – идеальное время для прогулки по главной тропинке, окруженной деревьями. Ее уединенность давала возможность поразмышлять, расслабиться, зарядиться энергией.

На середине пути звук оживленного спора привлек мое внимание. Сначала я заметила припаркованный серебристый «Бентли» и высокого взрослого мужчину рядом.

А потом Ромео, на которого яростно кричал этот самый мужчина.

Я спряталась за стволом большого дерева и наблюдала за течением спора из своего укрытия. Ромео был взбешен: ладони сжаты в кулаки, а поза излучает ярость. Мужчина в темном костюме в гневе размахивал руками прямо перед лицом Ромео, выкрикивая ужасные оскорбления. Затем шагнул вперед и занес кулак. Так я стала свидетелем того, как взрослый мужчина ударил Роума по щеке с такой силой, что голова парня откинулась назад. Ромео не стал давать сдачи, он мужественно устоял на ногах, принимая мощный удар.

– Ох, боже мой, – прошептала я про себя.

Я отчаянно озиралась вокруг, ища помощи, но здесь были только я... и они. Прежде чем я успела побежать за подмогой, мужчина в костюме запрыгнул в свой «Бентли» и с визгом покрышек отъехал, и я увидела, как разъяренный Ромео подошел к огромному дереву и принялся наносить удары по стволу снова и снова, издавая громкие стоны, прежде чем рухнуть на землю, уронив голову на руки. Я прислонилась к грубой коре дерева, пытаюсь осмыслить увиденное.

Внутри меня шла борьба, как же поступить. Ромео только что ударили, на него напали. Выглянув из-за большого дуба, я несколько минут смотрела на несчастного парня, впитывая все его южное великолепие, истекающее кровью и страданиями. Сердце болело за него, и, прежде чем мой мозг смог осознать происходящее, мои ноги понеслись в сторону Роума.

Парень не слышал, как я подошла, и я присела перед ним на корточки, отчего мой черный летний комбинезон запачкался в засохшей грязи. Я тихонько достала из своей коричневой сумки бутылку воды и старый розовый носовой платок. Роум поднял голову на звук: из его рта капала кровь, а идеальные белые зубы купались в алой ванне.

– Ромео, господи... – прошептала я, борясь со слезами. Он ничего не сказал, лишь тупо на меня уставился.

Отвинтив крышку с бутылки «Эвиан», я подняла его грязную руку; его пальцы были вялыми и израненными. Я полила водой ссадины и глубокие порезы, полные древесной коры и грязи, затем приложила носовой платок к содранной коже. Роум даже не вздрогнул.

– Больно? – тихо спросила я. Он покачал головой.

Вымыв его руку, я подалась вперед, оказавшись на коленях между согнутыми ногами Роума. Я осторожно поднесла носовой платок к его рту и вытерла кровь, обнаружив большую открытую рану в уголке его красивой верхней губы. Я надавила на нее и промокнула кровь. Затем мой взгляд переместился к его карим глазам. Я почувствовала всю его боль, увидела, как в них вспыхнули непокорность и отчаяние.

Когда его губа перестала кровоточить, я передала ему бутылку воды.

– Ополосни рот, Роум. Вряд ли кровь приятная на вкус.

Он словно робот взял бутылку и выполнил мои указания. Я присела рядом с ним на землю, облокотившись о дерево. Я ничего не говорила, боялась сделать только хуже, но и не хотела оставлять его в одиночестве.

В конце концов он расслабился и уставился куда-то вдаль. Я не могла больше выносить это напряжение и, видя, что Роум нуждается в утешении, наклонилась и взяла его здоровую руку в свою. Он взглянул на наши сплетенные пальцы и еще ближе прижался к моему плечу. Я знала, что у нас есть нерешенные проблемы, особенно после нашего... что бы там ни было в коридоре, но сейчас я могла думать только о том, как поддержать его, потому что он в этом нуждался.

Наконец, после, казалось, вечности, Ромео заговорил:

– Привет, Мол.

– Привет тебе.

– Как много ты видела?

Я опустила голову на его плечо, уловив, что у него сбилось дыхание.

– Достаточно.

Он откинул голову, прислонив к коре дерева, и закрыл глаза.

– Что это за мужчина из «Бентли»?

– Мой папочка.

– Твой отец? – в крайнем изумлении переспросила я.

Роум снова опустил голову, избегая смотреть мне в глаза. Я не понимала почему: то ли от смущения, то ли от унижения.

Снова воцарилась тишина.

– Ты в порядке?

Он напрягся и тоскливо на меня посмотрел.

– Нет.

– Ты хочешь поговорить об этом?

Он решительно покачал головой.

– Он часто тебя бьет?

– Чаще не удастся, – пожав плечами, хмыкнул Ромео. – Ему не понравилось мое поведение, он позвонил, назначил мне тут встречу и... ну, остальное ты видела.

Я поменяла положение и села к нему лицом.

– Что такое произошло, что он тебя ударил?

– Деньги, разочарование, непослушный сын. Как обычно. Но он никогда не заходил так далеко на публике. Еще не видел его настолько взбешенным.

– Но ты же его сын! Как он может так с тобой обращаться? Что, черт возьми, ты сделал, чтобы заслужить удар?

Ромео сидел с поджатыми губами и явно не собирался ни отвечать, ни обсуждать случившееся. Я снова взяла его за руку, и он сжал мою ладонь.

Парень выглядел таким потерянным, его обычная суровость спала, обнажая уязвимость. Мне нужно было срочно сменить тему.

– Как прошла игра в Арканзасе?

От перемены темы разговора на его лице промелькнуло облегчение.

– Мы победили. Но не моими стараниями.

– Неудачная игра?

Он облизнул губы и потрогал пальцами свежий порез, затем поднял валявшуюся ветку и сломал ее.

– Долбанный кошмар, а не игра.

– Ну, ты всего лишь человек.

– Никогда в жизни у меня не было такого плохого начала сезона. Мой выпускной год, тот, в котором яставляюсь на драфт, и все это полетит в чертово помойное ведро.

– Почему все так плохо?

– Потому что я не могу сделать ни один пас. Я подвожу команду и болельщиков. Мои родители и Шелли ни за что не отвалят – ты только что была свидетелем настойчивости моего отца в этом вопросе. Шелли же присосалась ко мне как

пиявка, сильнее, чем обычно, и мне постоянно приходится с ней цапаться. У меня голова кругом идет: я не могу ни заснуть, ни сосредоточиться, а мысли об одной англичанке не дают мне покоя каждую ночь. Каждую долбаную ночь. Она преследует меня во снах.

Он притянул наши руки к своей небритой щеке и провел ими по жесткой щетине.

– Да, я тебя понимаю, – прошептала я, наблюдая, как мои пальцы скользнули мимо его рта. У меня перехватило дыхание от его признания.

– Я постоянно думал о нашей последней встрече, пока меня здесь не было. – Голос Роума был почти неслышен, как будто он исповедовался в совершении страшного греха. Он, казалось, нервничал, в чем еще не был мною замечен. Полагаю, симпатия к девушке стала целым открытием для короля бессмысленного секса.

– Да. Я тоже. Это... по-другому. Голова забита неким красавчиком из Алабамы, а не Данте, Декартом или Кантом.

Он подтолкнул меня коленом, и веселье осветило его глаза.

– Считаешь меня красавчиком?

Я покраснела и толкнула его в ответ.

– Можно сказать и так.

Взглянув на меня из-под длинных ресниц, он выдавил улыбку.

– Куда держала путь в столь раннее время, когда увидела, как эту красоту избивают?

– Роум...

– Отвечай на чертов вопрос, Шекспир.

Я покачала головой – дерзкий Ромео начал пробуждаться от сна.

– В библиотеку. Мне нужно выполнить несколько заданий для профессора Росс. Там есть кабинет, где я могу спокойно работать. Я видела... что произошло между тобой и твоим отцом, и подумала, что ты нуждаешься во мне больше, чем захватывающий мир академических наук.

Похлопав меня по ноге, он дал знак, что пора вставать. Но мы по-прежнему держались за руки.

– Пойдем.

– Куда?

– В библиотеку. Я собираюсь тебе помочь. Мы же не можем подвести академический мир, верно?

– Ромео... ты уверен, что не хочешь пойти домой или заняться чем-нибудь еще? Мы могли бы поговорить еще, если хочешь. О чем угодно.

Потеряв прежнюю веселость, он подчеркнул:

– Мы пойдем в библиотеку, и я помогу тебе с исследованием.

Он не был настроен шутить, скорее был близок к тому, чтобы сорваться. Я видела это – его невыплеснутую агрессию, которая нетерпеливо кипела, ожидая шанса выйти наружу. Ему нужно было отвлечься, и мне показалось, что лучше взять его с собой, чтобы спасти какого-нибудь бедного сокурсника от встречи с кулаком Ромео, когда он наконец выйдет из себя.

– Ты собираешься помочь мне с философией?

Роум обиженно надул губы.

– Эй, если я спортсмен, это еще не значит, что дурак. – Он закинул руку мне на плечи. – К твоему сведению, я знаю этот предмет. Может быть, даже смогу тебе кое-что подсказать.

Чуть отодвинувшись, он прижал палец к щеке, делая вид, что глубоко задумался.

– Например, «Иммануил Кант тот еще плут. Бывало, пил он из двух рук».

Огромная улыбка расплылась на моем лице, и я громко рассмеялась, напевая:

– «Хейдеггер пропойцей стал и под столом друзей искал».

Ромео расхаживал передо мной, как лектор.

– «Аристотель любил бутылку. Для Гоббса виски не в новинку». – Он игриво поклонился, чтобы я продолжала.

– «Рене Декарт был выпить рад. Итог: я пью, а значит, живу».

Я расхохоталась, прикрыв рот рукой, чувствуя себя легкой и кокетливой, а Роум с потрясающей улыбкой поднял руку, чтобы дать пять. И я от души отбила.

– Значит, ты фанат «Монти Пайтона»? – взволнованно спросила я.

– Ну, нельзя изучать философию и не знать «Песню философов».

– Согласна, но никогда бы не подумала, что ты помешан на британских комик-группах.

– Это же «Пайтон», – фыркнул он. Как все просто. – Так что пошли. Однажды я удивил тебя своими познаниями в философии и почти уверен, что смогу сделать это снова.

Я с пренебрежением от него отмахнулась.

– Знаешь что? Тебе двадцать один, а мне только двадцать, а я уже получаю степень магистра. Сомневаюсь, что ты сможешь меня удивить, суперзвезда. Это моя специализация.

В мгновение ока Роум прижал меня к груди и прикусил зубами мочку моего уха.

– Может быть, не в философии, но я, черт возьми, могу много чем тебя удивить, Мол, по моей специализации.

– Например? – хватая ртом воздух, спросила я.

Он прижался губами к бешено бьющемуся пульсу на моем горле.

– В гораздо более... более приятных вещах, нежели учеба.

Я застыла, и он пошел вперед, таща меня за собой.

– Давай, мегамозг, займемся исследованиями, не будем потакать твоему грязному воображению.

Ромео оставался со мной в библиотеке в течение нескольких часов, помогая мне печатать заметки и искать контраргументы для исследования. Стоило отдать ему должное, он был чрезвычайно сведущ в этом вопросе. Когда мы разошлись, он уже казался другим, словно ноша на его плечах стала легче. Его общество успокаивало и меня, и, хотя он мог быть резким и иногда немного агрессивным, он мне нравился. И, следовательно, я снова стала постоянно о нем думать. К сожалению.

На следующий день мне вновь пришлось идти в библиотеку. Оказавшись возле кабинета профессора, я открыла дверь ключом и обнаружила Ромео, который, закинув ноги на стол, а руки – за голову, сидел и ухмылялся.

– Как раз вовремя, Шекспир. Я уже написал чертову диссертацию, пока ждал тебя.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я с лучезарной улыбкой, радуясь, что его губа уже не такая опухшая, а костяшки пальцев забинтованы.

Убрав ноги со стола, он встал передо мной.

– Я здесь, чтобы ассистировать ассистенту. Займи меня делом. Мне не терпится угодить.

Я положила книги на стол и уперла руки в бока.

– Не хочешь рассказать, как ты попал сюда, в запертый кабинет?

Роум игриво пожал плечами.

– У меня есть тайный обожатель в библиотеке. Она открыла кабинет для меня после небольшого сладкого разговора.

– Мисс Роуз? Ей, наверное, девяносто!

– Она та еще хищница, – хмыкнул парень.

Я не смогла удержаться от смеха.

– И почему, Ромео, ты снова хочешь помочь мне с исследованием?

Его игривая улыбка исчезла, обнажая уязвимость, исказившую его прекрасные черты вчера днем. Он скрестил руки, защищаясь.

– Ты не хочешь, чтобы я помогал? Я уйду, если мешаю. Я не хочу быть там, где мне не рады.

Я встала перед ним и взяла его хмурое лицо в свои ладони.

– Эй, я этого не говорила. Меня просто удивило, что ты хочешь сидеть здесь со мной. Но... как бы то ни было, с тобой приятно находиться.

Он наклонил голову и поцеловал мою ладонь.

– Мне тоже нравится проводить с тобой время, Мол. На душе становится легко. Кроме того, я должен тебе после того, что ты сделала для меня вчера.

– Ты мне ничего не должен.

Его палец погладил меня по щеке, и я чуть не хлопнулась в обморок.

– Я останусь с тобой.

– А как же твои занятия?

– Я останусь с тобой. Я вроде как становлюсь зависимым.

Я сглотнула.

– Зависимым?

– Совершенно верно. К тебе и к тому, что ты заставляешь меня чувствовать.

Я покраснела и принялась тереть ремень сумки.

– Ладно, ну... тогда давай приступим к работе.

Он отдал честь и сел напротив меня с широкой самодовольной улыбкой.

Протяжный драматический вздох раздался за моей спиной, заставив меня подпрыгнуть.

– Нам нужен перерыв, – в приказном тоне заявил Ромео, появившись в дверях с двумя большими стаканчиками кофе и неодобрительным выражением на лице.

Поскольку я даже не заметила, как он ушел, мне пришлось согласиться, что перерыв был необходим. Я откинулась на спинку стула и потерла уставшие глаза.

– Сколько мы уже здесь?

Опустившись на свое место, он подтолкнул через стол мой кофе и коричневый пакет с бейглом со сливочным сыром.

– Около шести часов.

Мои глаза расширились.

– Ох. Ужас.

– Ага, ужас.

Я сделала глоток кофе, прикрыв глаза, и громко застонала от удовольствия, когда по венам растекся знакомый бодрящий кофеин. По линолеуму скрипнул стул, и я услышала, как Ромео вскочил с места, выругавшись. Открыв глаза, я увидела, как он пытается смахнуть кофейные капли со своей мокрой серой футболки.

– Ты в порядке?

Он коротко кивнул.

– Просто... не издавай рядом со мной таких звуков, Мол.

Я поежилась, заметив выражение лица Роума, пока он любовался, как моя грудь поднимается и опускается в ответ на его слова. Он снова сел, и мы принялись жевать в напряженной, потрескивающей тишине.

Ромео потянулся.

– Ты, должно быть, почти закончила. Я никогда не видел, чтобы кто-то так усердно работал. Не сомневаюсь, что из тебя получится отличный профессор.

Я пожала плечами.

– Я люблю учиться. Так проще скоротать время.

– Для чего? – вопросительно махнув головой, поинтересовался он.

– Так я не думаю о других вещах.

– Например?

Я несколько раз щелкнула ручкой.

– Плохих вещах... неприятных вещах... вещах из моего прошлого.

Его ладонь пленила мою.

– Значит, учеба делает для тебя то же, что ты делаешь для меня?

Я сглотнула, не зная, как реагировать на подобное заявление.

– Это правда. Ты что-то делаешь со мной, Мол.

– Я... Что? Ты?.. – Я снова сосредоточилась на столе, слушая, как Ромео посмеивается над моим волнением. Затем оторвала кусочек бейгла и бросила в него. Парень схватил его с майки и засунул в рот, поигрывая бровями. Я не смогла сдержать смех.

– Итак, как ты себя сегодня чувствуешь? – спросила я, когда тяжелая атмосфера рассеялась.

– Уже лучше. Одна симпатичная девчонка помогла мне пережить кое-какие личные неприятности.

– Какая девчонка? Как она выглядит? – дразнилась я.

Он сделал вид, что задумался.

– Брюнетка, горячий акцент, похожа на чертовски сексуальную библиотечаршу в очках.

Мой желудок сделал сальто.

– Все верно. Но серьезно, ты в порядке?

– Стремлюсь к этому. Шаг за шагом, – спрятав улыбку, тихо произнес он.

Не стала продолжать расспросы и вместо этого принялась потягивать капучино, перечитывая свои записи. Потому растерялась, когда Роум медленно поднялся со стула и подошел ко мне, прикрыв глаза и разомкнув губы. Как только он уперся рукой о книжный шкаф позади меня, а другой – о стол, загнав меня в ловушку, я вцепилась в подлокотники. Роум медленно наклонился к моим губам, и я закрыла глаза.

– Ромео, что...

Он высунул язык и медленно лизнул уголок моей губы.

Я притихла.

– У тебя была пенка на губе. – Его голос был охрипшим и натянутым.

У меня из-под ног словно выбили почву.

– О, я...

Нырнув обратно, Роум обхватил мое лицо руками и прижался к губам. Я со стоном сдалась, когда он схватил мои волосы в кулак, запрокинул мне голову, чтобы углубить поцелуй и тщательно изучить мой рот.

Через несколько секунд он наконец отступил.

– А сейчас что? – пробормотала я, смотря в его безумные глаза и вытирая губы.

– Ну, сейчас я просто захотел поцеловать тебя, – прошептал он, прижавшись лбом к моему.

Рисуя пальцами круги на моих бедрах, он опустился на колени так, что наши глаза оказались на одном уровне.

– Приходи посмотреть на мою игру в эти выходные.

– Мне нужно учиться, – машинально ответила я.

Его разочарованный взгляд задел меня.

– Это всего на несколько часов, Мол.

– Знаю, но мне платят за помощь профессору, и я горжусь тем, что все делаю вовремя. Мне нужен доход, чтобы выжить, Роум. Проживание в доме сестринства обходится в копеечку. Я буду здесь в субботу, когда начнется игра.

Громко вздохнув, он опустил плечи.

– Ладно, мне это чертовски не нравится, но я понимаю.

Я прислонила ладонь к его загорелой щеке.

– Пожалуйста, не расстраивайся. Спорт – это просто не мое. Я совершенно не разбираюсь в американском футболе и квотербеках, помнишь?

– Я услышал тебя, Мол, – ласкаясь о мою ладонь, сказал он. – Все равно меня никто не поддерживает. Ничего нового.

– Ромео...

Он поднялся на ноги, почесывая голову.

– Мне нужно на тренировку.

Я протянула руку и провела ладонью по его сжатым пальцам.

– Я пробуду здесь еще несколько часов. Но я поймаю тебя позже, ладно? – Я ужасно себя чувствовала из-за того, что подводила Роума. Со вчерашнего дня все так хорошо шло, я делала его счастливее. Теперь мы вернулись к тому, с чего начали.

Роум наклонился, изучая мои глаза, затем резко развернулся и вышел из кабинета, оставив меня словно приросшей к месту.

В течение следующих двух часов я разглядывала узоры на дубовом столе, снова и снова задаваясь вопросом, что, черт возьми, происходит между Ромео Пулей Принсом и мной?

Когда я собирала свои вещи, чтобы уйти, мое внимание привлекла записка под дверью.

Пожалуйста, приходи на игру.

Я хочу, чтобы ты была там.

Твой Ромео X

Мой Ромео?

Вот же блин...

Глава 6

– Ну же, давай, Роум! Сосредоточься на игре! – Элли вскочила на ноги и принялась размахивать руками вместе с Касс и остальными зрителями на стотысячном стадионе... ну, со всеми, кроме меня. Я в прямом смысле не представляла, что, черт возьми, происходит.

Я все-таки решила пойти на игру. У Элли нашелся лишний билет. Она с самого начала сезона пыталась затащить меня на стадион, но я всегда отказывалась. В этот раз, однако, я сдалась, потому что не могла выбросить из головы обиженное лицо Ромео, стоило сказать ему, что не приду. Так я и очутилась на своей первой игре «Тайд».

Всему виной была та записка.

Я превратилась в безнадёжного романтика, хотя и подумать не могла, что такой стану, но милые слова в записке Роума оказались этому причиной.

– Роум! Какого черта? – снова закричала Элли.

Мы сидели на нижнем уровне для студентов стадиона «Брайант-Денни» и наблюдали за сражением «Тайд» против «Оберн Юнивёрсити» – местной командой и главными соперниками. По-видимому, игра у Роума складывалась не особенно удачно. Начало сезона, а он не был в своей обычно идеальной форме. Я посмотрела на огромный экран и увидела крупным планом, как он расстегивает застёжку на шлеме и ругается последними словами, ударив кулаком в землю и отталкивая игроков с дороги, явно недовольный тем, что только что произошло.

Его поведение плохого парня на поле невероятно заводило, а в сочетании с тем, как форма облегла его впечатляющие мускулы... Уф, это необходимо запретить законом.

Элли в отчаянии закрыла лицо руками, подглядывая сквозь пальцы. Касс, которая только что принялась за третий корн-дог, разочарованно покачала головой.

Чирлидерши начали выполнять свои трюки, и я увидела, как Лекси радостно закидывает ноги. Она с честью попала в команду, разгромив соперниц своим сальто назад и великолепным тройным колесом. И вот теперь она самый счастливый гот на свете.

Я воспользовалась моментом, чтобы осмотреться. Домашний стадион «Кримсон Тайд» был огромен, и атмосфера внутри наэлектризовалась до предела. Я быстро смекнула, почему Роум считался звездой кампуса и, честно говоря, всей Алабамы.

Когда он выбежал из туннеля, на гигантском экране показали его лицо и статистику. Как только он вместе с командой оказался на поле, сотысячная толпа во всю мощь своих легких скандировала: «Давай, Тайд!» под аккомпанемент ревущих гудков и барабанной дробы. Это превзошло все, что я когда-либо видела раньше.

Каждый раз, когда Роум подавал мяч, болельщики задерживали дыхание чуть ли не в молитве, но, к сожалению, ни один пас не завершился успехом. Касс недвусмысленно намекнула, что дело дрянь.

Разгневанный Роум потащился обратно к скамейкам, где тренер принялся орать ему в лицо, ударяя рукой по планшету, дабы подчеркнуть свои слова. Внезапно мне захотелось вскочить с места и оттолкнуть от него этого мужчину.

Я повернулась к Элли.

– Почему его отчитывают? Что такого? Он пропустил несколько бросков. Неужели все настолько плохо?

– Да, все именно настолько плохо. Роум не может позволить себе проигрывать, Мол. Он выпускник и считается лучшим квотербеком в стране – верный отбор на драфте. Все за него болеют. К тому же, чтобы «Тайд» снова стал чемпионом страны, Роум должен выкладываться на сто десять процентов. Сейчас он тянет только на двадцать. Я никогда не видела его таким отстраненным. Я просто не понимаю. – Она выглядела озадаченной.

Толпа принялась снова скандировать. Бросив взгляд на поле, я увидела, как Роум бежал обратно к команде, поправляя шлем.

Как обычно, в Таскалусе светило солнце, отчего на переполненном стадионе, пусть даже и с открытой крышей, становилось слишком жарко. На мне было короткое белое льняное платье без рукавов и коричневые ковбойские сапоги Элли до середины икры, которые она любезно подарила мне в честь праздника «Аллилуйя-ты-идешь-на-игру», заявив, что я должна соответствовать и перенимать дерзкий южный стиль. Это событие я также отметила легким макияжем и обнаружила, что мне действительно нравится кантри-стиль.

– Пойду возьму диетическую колу. Вам что-нибудь надо? – спросила я, перекрикивая рев и радостные возгласы. Я обмахивалась руками в попытке отогнать moskitov, явно нуждаясь в передышке от невыносимой жары на стадионе.

Элли покачала головой, будучи слишком поглощенная игрой, а Касс полезла в карман и вытащила двадцатку.

– Большой пакет чипсов и рутбир, дорогая.

Взяв деньги, я пошла вдоль поля к торговым автоматам. Не успела я сделать и десяти шагов, как тысячи голов начали медленно поворачиваться в мою сторону. Прежде чем я успела хотя бы догадаться почему, мяч влетел в толпу, двое мужчин начали драться за то, кому же достанется драгоценный трофей. В схватке борцы завалились, и мне «прилетело» локтем по носу. От удара я больно шлепнулась на задницу. Воздав должное произошедшему, толпа издала коллективное «о-о-оу», а охрана подбежала растаскивать драчунов.

Мои руки инстинктивно потянулись к носу. Он немного ныл, но, насколько я могла судить, был целым и кровь не текла. Однако с очками дело обстояло иначе – они развалились в моих руках. Я сжимала оправу, пока вокруг меня собирались люди, спрашивая, все ли со мной в порядке. Какой-то мужчина выкрикнул, что он медик, и наклонился ко мне, обхватив руками мое лицо.

– Полагаю, удар только сломал очки, – сообщила я, принимая предложенную помощь от приземистого врача с лысиной – он помог мне подняться. Как только я оказалась на своих двоих, толпа принялась аплодировать. Я поднесла к лицу половинки треснувших очков и оглядела стадион, заметив, к своему огорчению, что мой маленький конфуз транслировался на экране стадиона.

– Принс! ПРИНС! Куда, мать твою, ты собрался? – раздался сердитый мужской голос, и небольшая толпа вокруг меня начала расступаться.

Я посмотрела в сторону прохода и увидела, что ко мне навстречу бежит Роум. На его лице застыло выражение крайнего ужаса, пока я стояла, прижимая к глазам свои сломанные очки.

– Черт, Шекспир! Мне так жаль. Ты в порядке? – спросил он с паникой в голосе. Затем бросил шлем на землю, обхватил мое лицо обеими ладонями и приподнял за подбородок, выискивая взглядом своих больших карих глаз повреждения.

– Роум, я в порядке. Пострадали только очки. Они пожертвовали жизнью во имя спасения моего носа. Тебе не нужно извиняться. Виноваты два пьяных идиота, которые задели меня. Вот они самые настоящие придурки! – Я подняла половинки оправы и поднесла к глазам.

Когда я снова смогла видеть, то заметила, как Роум слегка улыбнулся и покачал головой.

– Это должно было случиться. Из всех зрителей на этом долбаном стадионе такое произошло именно с тобой. Я уже ничему не удивляюсь, если ты рядом. Мне кажется, кто-то пытается мне о чем-то сказать.

Я пожала плечами.

– Я шла за колой.

Он нежно рассмеялся.

– Во время моей игры?

– Ну, честно говоря, я не понимала, что, черт возьми, происходит, и мне захотелось пить.

Девушки, переваливаясь через перила, кричали Роуму:

– Мы любим тебя, Пуля!

– Увези меня к себе, сладкий!

– Отымей меня, седьмой!

Стоило мне отвлечься, его улыбка погасла. Он схватил меня за подбородок, чтобы я сосредоточилась только на нем.

– Ты пришла.

– Я пришла, – подтвердила с улыбкой.

– Почему передумала?

– Ты достучался до меня, – поддразнила я, напомнив о его словах из нашего жаркого спора в коридоре.

Роум засмеялся.

– Мисс! Боюсь, нам придется отвести вас в медпункт, чтобы убедиться, что все в порядке... К сожалению, таковы правила. Если вы не против, прошу пройти со мной. – Врач взял меня за руку и попытался увести.

Роум поднял палец и секунду удерживал мой подбородок, после чего слегка наклонился и встретился со мной взглядом.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Я в порядке. Ну разве тебе не пора идти побеждать? Наверняка все эти люди пришли сюда не для того, чтобы смотреть, как мы болтаем.

– Да, я как раз был на полпути, прежде чем ты решила ввязаться в пьяную драку.

Я пошла было за медиком, как вдруг Роум наклонился и прильнул к моим губам долгим поцелуем. Поцелуй оказался нежным и мягким, так не похожим на наши уже ставшие привычными неистовые и импульсивные ласки.

Мы еще секунду смотрели друг другу в глаза, после чего Роум с решимостью на лице побежал обратно на поле. Толпа откровенно таращилась, недоумевая, почему звездный квотербек так заинтересовался пострадавшей девицей.

В тишине медицинского кабинета я начала приходить в себя, когда резкий, восторженный рев, казалось, потряс сам фундамент стадиона, заставив меня вскочить со своего места.

– Что случилось? – в панике завопила я.

Врач взглянул на маленький экран телевизора в углу.

– Черт возьми!

– Что?

– Пуля только что пробила тачдаун на сорок ярдов.

– Тачдаун – это ведь хорошо, верно?

Мужчина вновь переключил свое внимание на меня, без сомнения задаваясь вопросом, а не получила ли я все же травму головы.

– Да, это очень хорошо, особенно учитывая, что осталось всего четверть матча. Ничья. Всего пятнадцать минут на «П».

– П?

– Победу, – раздраженно выдохнул он.

– Точно. Ясно-понятно, – пробормотала я, решив, что лучше заткнуться.

Врач выключил телевизор, чтобы не отвлекаться, закончил осмотр и починил с помощью белого лейкопластыря мои очки, грубо перемотав посередине. Не самое лучшее из модных решений, но деваться некуда. Как сказала бы моя бабушка: «Что есть, то есть».

Как только я вернулась на свое место, раздался финальный свисток, и толпа разразилась радостными воплями. Касс и Элли подпрыгивали и, увидев меня, бросились в мою сторону, практически повалив. Но я удержалась. Второго падения я бы не пережила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koul_tilli/milyy-dom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)